

ä/ Königl. Staatsbibliothek zu München
Kommage respectueuse de l'auteur

P. o. rel.

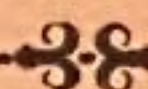
3178

-1-

P. o. rel. 3178 (1)

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

НИКОЛАЯ КОКШАРОВА.

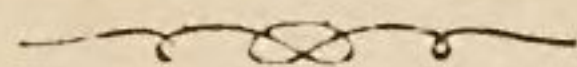
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

P. O. rel. 3178. / 7

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

НИКОЛАЯ КОКШАРОВА.

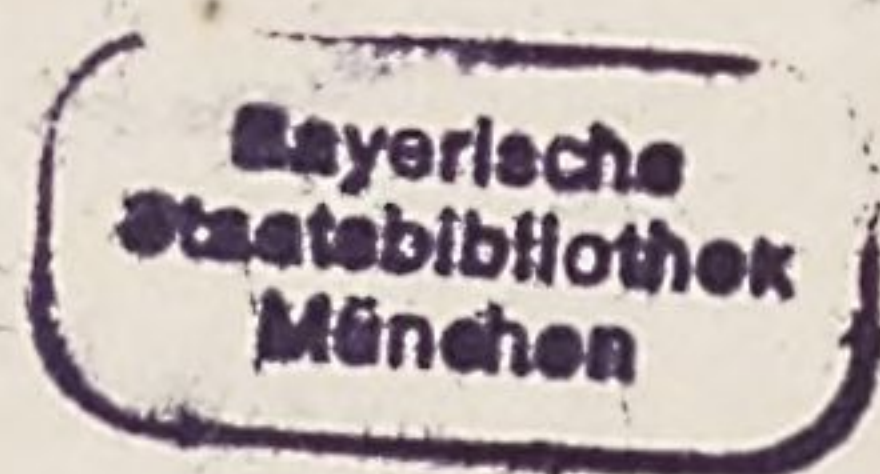

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Яковсона (Вас. Остр., 9-я линія, д. № 8).

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2-го Юня 1878 г.

<36632659220011

<36632659220011

Bayer. Staatsbibliothek

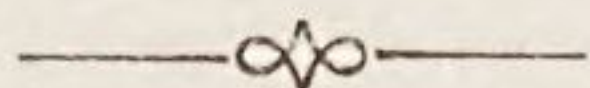
Къ читателю.

Въ тѣ немногіе часы досуга, которыми могъ я располагать, безъ ущерба моимъ главнымъ занятіямъ по Кристаллографіи, написано было мною, — въ разное время юности, зрѣлыхъ лѣтъ и даже старости, — нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Издаваемая книжка, представляя сборникъ этихъ немногихъ, отрывочныхъ, незатѣйливыхъ и, такъ сказать, случайныхъ стихотвореній (вызванныхъ впечатлѣніями обыденной жизни, знакомыми каждому изъ смертныхъ), конечно, не можетъ имѣть никакого особеннаго значенія для публики и литературы, — она не поступаетъ по этому въ книготорговлю и предназначается преимущественно для тѣснаго кружка снисходительныхъ друзей и знакомыхъ автора-кристаллографа (а не поэта). По той же самой причинѣ и стихотворенія распредѣлены въ ней не въ систематическомъ порядкѣ, а болѣе или менѣе произвольно; не смотря на допущенныя иногда сближенія предметовъ однородныхъ, — стихи, различные по своему характеру и времени происхожденія, большею частію между собою перемѣшаны.

ВЕСНА.

(Въ альбомъ дочери А.)

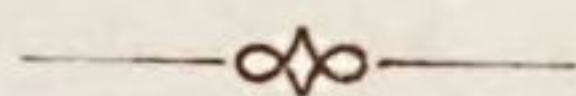
Весна румяная — природы пробужденье,
Пора желанная узорчатыхъ полей,
Пора надеждъ и скорби облегченье
Души страдальческой моей! . . .
Съ приходомъ я твоимъ какъ будто оживаю,
Мнѣ сердце веселить зелѣный твой нарядъ,
Я снова бодръ и свѣжъ и съ жадностью вдыхаю
Цвѣтовъ твоихъ цѣлебный ароматъ! . . .
Забыты сумраки, забыты непогоды,
Весенне солнышко во всей красѣ горить! —
Раздался птичекъ хоръ, кружатся хороводы
И зоркій Царь лѣсовъ ужъ въ облакахъ парить!
И кажется живѣтъ всё жизнью неземною —
Лазуренъ сводъ небесъ, какъ зеркало вода,
Всѣ очаровано природы красотою,
Всѣ движется, цвѣтѣтъ, шумитъ вездѣ ѣзда!
И я, въ тѣни дубравъ, гдѣ вѣтерокъ играетъ,
Тайкомъ хвалебну пѣснь и я веснѣ пою . . .
Другую мнѣ весну она напоминаетъ:
Увядшую любовь и молодость мою! . . .
А ты, Полюленька, весенній мой цвѣточекъ, —
Ты только разцвѣла, какъ розанъ молодой.
Ахъ! Какъ желалъ-бы я, мой ласковый дружочекъ,
Чтобъ жизнь тебѣ всегда казалася весной!

Въ Неаполѣ, при закатѣ солнца.

Въ часы вечерняго досуга,
Передъ отвореннымъ окномъ,
Я наслаждался чудомъ юга,
Въ благоговѣннѣи нѣмомъ . . .
Красы Неаполя залива! —
Возможно-ль словомъ передать
Всю прелесть свѣта перелива,
Когда вась знойное свѣтило
Уже устанетъ освѣщать?! . . .
Когда одѣнутся вершины
Въ нарядъ лилово-голубой,
Когда покроются долины
Туманно-синей пеленой —
Во всей природѣ воцарится
Когда святая тишина
И жаръ полуденнаго дня
Прохладѣ ночи покорится! . . .

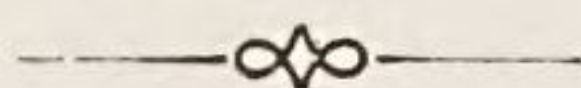
Благословенная страна! —
Съ тобой что можетъ-ли сравниться?! . . .

Утромъ въ Парижѣ.

Настало утро . . . Пробудился
Отъ сна глубокаго Парижъ,
Багрянымъ свѣтомъ озарился
Зубчатый гребень его крышъ.
Лучь первый солнца сіяя,
Собою пышный градъ живить
И, свѣтъ свой яркій проливая,
Дворцы и башни золотить! . . .
Весь людъ тревожный вострепѣнулся,
Вездѣ движеніе и ѣзда . . .
И я какъ будто-бы проснулся
Отъ летаргическаго сна! . . .
Бѣгу, спѣшу узрѣть скорѣе
Давно знакомыя мѣста —
Въ мои преклонныя лѣта,
Себя я чувствую бодрѣе! . . .

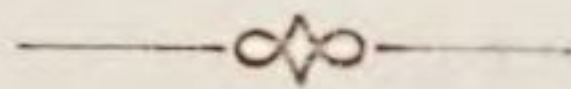
Всё та-же жизнь, всё тотъ-же блескъ,
Всё тѣ-же храмы величавы,
И Сенскихъ волнъ всё тотъ-же плескъ
И тѣ-жъ причудливые нравы! . . .
Но гдѣ-же вы, мои друзья? . . .
Гдѣ вы, богини обожаній, —
Предметы сладостныхъ мечтаній
Моего юнаго бытія? . . .
Васъ нѣтъ! Васъ нѣтъ!
Простылъ и слѣдъ! . . .

Снова въ Парижѣ.

Искатель сильныхъ ощущеній,
Я снова въ миломъ мнѣ краю —
Въ Парижѣ . . . Въ томъ земномъ раю,
Гдѣ смертнымъ столько наслажденій! . . .
Гдѣ я впервые свѣтъ узналъ,
Гдѣ вѣрность дружбы испыталъ, —
Какъ птичка Божія былъ воленъ,
И веселъ, счастливъ, всѣмъ доволенъ! . . .
Не брежу-ль, полно, я во снѣ?! . . .

Но гдѣ-же Гризи? Гдѣ Дюпре?
Гдѣ Фанни Эльслеръ, Тамбурины,
Лабланшъ, плѣнительный Рубини? —
Гдѣ Персіяни? Гдѣ Рашель?
Гдѣ старый другъ мой де-Вернёль? . . .
И многіе ещё другіе,
Что чувства чистыя, святыя
Будили въ пламенной груди —
Въ странѣ чужой, но посреди
Существъ для сердца вѣчно милыхъ,
Ни кѣмъ, ни чѣмъ незамѣнимыхъ! . . .
О васъ помину больше нѣтъ . . .
Уже-ль успѣлъ забыть васъ свѣтъ?! . . .

Кладбище Père la Chaise въ Парижѣ.

Привѣтъ тебѣ, святое пепелище,
Послѣдній нашъ пріютъ, послѣднее жилище,
Гдѣ смертные, подъ кровлею съ крестомъ,
Снятъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ! . . .
Гдѣ страсти бурныя замолкли, не бушуютъ,
Любви гдѣ пламень не горитъ,
Тщеславье, зависть не волнуютъ —
Гдѣ смерти храмъ, гдѣ смерть царитъ! . . .

Не въ первый разъ въ твои селенья
Я, странникъ дальній, захожу
И на Парижъ, въ уединеньи,
Сквозь слёзы горькія гляжу! . . .
Кладбище! . . . Много ты зарыло
Для сердца дорогихъ людей . . .
Ты было грустно и уныло
И сдѣлалось ещё грустней! . . .
Не юноши живое любознанье,
Какъ прежде, въ старые года, —
Теперь завѣтное призванье
Влекло меня въ твои врата! . . .
Ахъ! На могилы величавы
Дай мнѣ колѣна преклонить! —
На лавры прежней громкой славы
Слезу горячую пролить!

На могилѣ Джуліи Гризи.

(Кладбище Père la Chaise въ Парижѣ.)

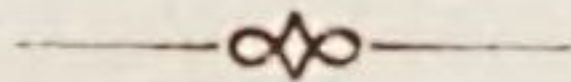
Передъ могилою твоею,
Какъ Ты теперь, я нѣмъ стою —
Излить отчаянья не смѣю,
Креста лишь знаменье творю . . .

Безмолвно, тихо, безъ движенья,
Подъ камнемъ скромнымъ здѣсь лежишь
Ты Гризи! . . . Ты?! . . . Чье появленье,
Чей голосъ и души порывъ
Всѣхъ приводили въ умиленье,
Производили общій взрывъ! . . .
Ахъ! Смерть, Ты безъ разбору косишь! . . .

Какъ будто вижу, вотъ предстала
Она — богиня красоты,
Въ театрѣ всё затрепетало,
Посыпались къ ногамъ цвѣты!
Уста открыла — разразились
И браво! . . . И похваль потокъ,
И тысячи сердець забились —
Объялъ всѣхъ пламенный восторгъ! . . .

О! Невозвратныя мгновенья! . . .
Могу-ль я васъ когда забыть? —
Святыя чувства увлеченья,
До смерти буду васъ хранить! . . .

Миръ праху твоему пѣвица,
Какой не будетъ никогда! —
Таланта, генія Царица, —
Ты незабвенна на всегда! . . .
И я, бѣднякъ, къ твоей могилѣ
Несу цвѣтокъ съ моей слезой . . .
Прими его! — Хоть не по силѣ
Мнѣ пѣть твой голосъ неземной!

Горному Институту, въ день столѣтняго его
юбилея, 21-го Октября 1873 года.

Что лѣтъ прошло, какъ Невски волны
Твой отразили гордый ликъ
И дѣти горъ, признанья полны,
Стеклись на твой призывный кликъ!
Какъ монументъ нетлѣнный, дивный
Екатерининскихъ времёнъ,
Ты здѣсь стоишь, гостепріимный,
Для блага родины племёнъ! . . .
Въ теченьи жизни долголѣтней
Вскормилъ не мало ты дѣтей, —
Не мало далъ, старикъ столѣтній,
Отчизнѣ добрыхъ сыновей! . . .
Пришла пора — благодареньемъ
Къ тебѣ исполненъ горный міръ —
Твой осенёнъ учёный пиръ
Всевышняго благословеньемъ!

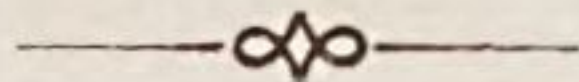
Т О С Т Ъ.

Въ теченьи жизни скоротечной
Не мало праздниковъ справлять
Намъ суждено судьбою вѣчной:
Спѣшимъ друзей мы поздравлять,
То съ новымъ годомъ, то съ рожденьемъ,
То съ чиномъ, радостью семьи . . .
И каждый разъ мы, съ увлеченьемъ,
Желаемъ имъ златые дни! . . .
Но праздникъ нынѣшній выходитъ
Изъ ряда пиршествъ записныхъ —
Онъ къ смертнымъ разъ только приходитъ
И то лишь къ избраннымъ изъ нихъ!
Гость онъ и рѣдкій и солидный,
По справедливости, завидный! . . .
Его визитъ чтобъ заслужить —
Полвѣка надо прослужить! . . .
Блаженъ кто, въ періодъ столь длинный,
Соединилъ въ душѣ своей
И честь и правду, нравъ невинный —
Тому отраденъ Юбилей!
Тому не страшенъ судъ народный,
Не грозенъ совѣсти укоръ —
Ко всѣмъ онъ, витязь благородный,
Открыто обращаетъ взоръ!
Къ нему со всѣхъ сторонъ несется
Имъ заслуженная хвала —

Вѣнчать достойныя дѣла
 У всѣхъ невольно сердце рвется!
 Таковъ нашъ милый Юбиляръ —
 Студентъ, Профессоръ и Сановникъ!
 Душой и сердцемъ онъ не старъ,
 Хоть и полвѣка былъ работникъ!
 За то полна теперь гостей
 Его привѣтливая хата, —
 Она и добротой богата
 И чувствомъ пламеннымъ друзей!
 И пиръ не только здѣсь, въ столицѣ,
 Кипитъ сердечною струей —
 Своей Исторіи страницы,
 Мужъ дѣла, всѣмъ намъ дорогой,
 Отмѣтилъ щедрою рукой!
 Въ Москвѣ и Дерптѣ и Сибири —
 Вездѣ **Гизетти** видѣнъ слѣдъ!
 Трудъ честный и души привѣтъ
 Удѣломъ былъ его въ семъ мірѣ!
 Прими-жъ и наше поздравленье! . . .
 Мы долгомъ чтѣмъ его принести
 Тому, кого души стремленье
 Полвѣка были: долгъ и честь!
 Заздравный кубокъ поднимаю,
 Во имя всѣхъ твоихъ друзей,
 Всего чѣмъ красенъ міръ желаю,
 Отъ сердца — долгихъ, свѣтлыхъ дней!

На обѣдѣ, данномъ Сенатору Герману
 Антоновичу Гизетти, по случаю
 пятидесятилѣтняго юбилея его службы.

С.-Петербургъ,
 Ноябрь 1877 года.

ТОСТЪ.

Нашъ Юбиляръ когда-то былъ,
Мы знаемъ, также и поэтомъ! . . .
Въ нёмъ этотъ грѣхъ намъ Гротъ открылъ
И огласилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ! . . .
Должно быть дифференціалъ
Не прочь жить съ риемою въ союзѣ,
А геометръ, взявъ интегралъ,
Порою — куры строить Музѣ! . . .

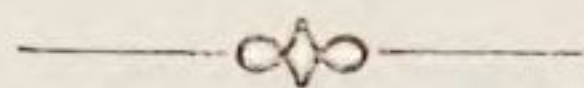
Какъ счастливъ тотъ, въ комъ съединилъ
Создатель геній и познание,
Въ комъ умъ и сердце вмѣстѣ слилъ,
Горитъ въ комъ къ ближнимъ состраданье!
Кто родинѣ своей принёсъ
Своихъ трудовъ научныхъ лепту,
Кто имя Русское вознёсъ
И сдѣлалъ пользу всему свѣту! —
Кто обожаемъ всюду былъ,
На вѣкъ съ кѣмъ мы скрѣпили узы . . .
И часто, часто кто грѣшилъ
Измѣной цифрѣ, ради Музы!

Таковъ нашъ Вице-Президентъ
Нашъ милый, добрый предводитель,
Маститый, мудрый нашъ учитель —
И Юбиляръ полсотни лѣтъ!

Для насъ Онъ служить идеаломъ,
Ему мы сердцемъ преданы,
Его здоровье пить должны
Сегодня полнымъ мы бокаломъ! . . .
Сегодня жить намъ суждено
Его примѣромъ и дѣлами, —
Даже грѣшить разрѣшено
Вице-Президентскими грѣхами! . . .
Нашъ задушевнѣйшій привѣтъ,
Сегодня въ риѳму облакаю, —
Въ стихахъ мой тостъ провозглашаю! —
Да здравствуетъ нашъ Вице-Президентъ! . . .

7-го Мая 1878 года.

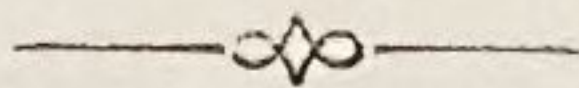
На обѣдѣ, данномъ Академиками Г. Вице-Президенту Императорской Академіи Наукъ Виктору Яковлевичу Буняковскому, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Его академической службы.

ЗНАКОМАЯ ДАЧА.

Завѣтные друзья, завѣтной старины,
Свидѣтели моей привѣтливой весны,
Тѣнистые кусты, извилисты тропинки,
Левкоевъ, розановъ куртинки, —
Подъ старость суждено мнѣ снова видѣть васъ!
И вотъ въ груди моей невольно сердце бьется . . .
Вѣдь мнѣ знакомое здѣсь эхо раздается
И слышится мнѣ здѣсь давно замолкшій гласъ! . . .

Смотрю . . . Не вѣрится . . . Всѣ также какъ и было . . .
Какъ будто-бъ мнѣ съ тѣхъ поръ ничто не измѣнило! . . .
Всѣ тотъ-же старый, барскій домъ,
Балконъ съ колонами и родовымъ гербомъ,
Густой сиренею заросшее окно . . .
А милыхъ сердцу нѣтъ уже давнымъ-давно!

Ю Н О Ш Ъ.

Была пора и я знавалъ
Тебя, привѣтливая младость! . . .
Твои плоды и я вкушалъ —
И мнѣ знакома была радость!
Но, юноша, остерегись:
Летятъ стрѣлой златые годы!
Воспользоваться ими торопись —
Того гляди, придутъ невзгоды!

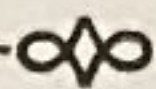
Смотри какъ чудны небеса,
Какъ солнце весело сіяетъ,
Какъ всё въ природѣ оживаетъ
Отъ благотворнаго луча!
Ручьи кустарникомъ обвиты,
Холмы ковромъ цвѣтовъ покрыты,
И стая птичекъ, съ высей горъ,
Творцу поётъ хвалебный хоръ!
И сердце юное, невольно,
Восторгомъ полнится святымъ —
Ему и дышится привольно,
Живѣтся счастьемъ неземнымъ! . . .

Лови-же, другъ, минуты счастья,
Пока не знаешь бѣдъ людскихъ,
Пока не знаешь дней ненастья —
И многихъ горестей моихъ!

Въ альбомъ дочери Гл—рѣ.

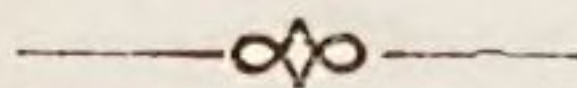
Что тебѣ я здѣсь скажу? —
Посуди, родная . . .
Буду льстить я, согрѣшу, —
Вишь напасть какая! . . .
Помни заповѣдей гласъ —
Богъ тебя возлюбитъ,
Благодатью каждый часъ
Освятятся будутъ! . . .
И когда, на склонѣ лѣтъ,
Ты вздохнешь, дружочекъ,
Вспомнивъ тѣхъ, кого ужъ нѣтъ,
Какъ весну цвѣточекъ, —
Тогда скажешь: я прошла
Мирно жизнь земную —
Свято я отца блюла
Заповѣдь святую!

Малолѣтней воспитанницѣ *).

Грустно тебѣ, другъ мой милый Глашуренька . . .
Вѣрю, нельзя не скучать! —
Ужъ никогда твоей доброй Тетюленьки
Больше тебѣ не видать! . . .
Всѣми забытая, въ землю зарытая,
Она сномъ вѣчнымъ тамъ спить,
И на могилку ея, вновь закрытую,
Только лишь птичка взлетитъ! . . .
Холодно, тѣсно лежать ей, бѣдняжечкѣ,
Въ комнаткѣ тѣмной, сырой —
Думаетъ: Вспомнить-ли меня теперь Глашечка,
Сидя вечерней порой?
Много я съ нею, моею милашенькой
Перенесла разныхъ бѣдъ! . . .

Кто-же займѣтся теперь съ моей Глашенькой? —
Нашей соловушки нѣтъ! . . .

*) По случаю смерти ея воспитательницы — музыкантши, которую дѣти называли обыкновенно „Тетюленька“.

Дитя, оплакивающая кончину своей воспита-
тельницы *).

Наша добрая Тетюленька! . . .
Ты куда отъ насъ ушла?
Позабыла насъ, родимая,
Себѣ домъ другой нашла! . . .
Иль не жаль тебѣ Полюленьки? —
Вѣдь она твоя была! . . .
Радость, душечка Тетюленька,
Моя милая, любимая,
Ты зачѣмъ отъ насъ ушла? . . .
Посмотри ты на Глашуреньку —
Каждый день она въ слезахъ! . . .
Ты одна у ней на памяти,
Ты одна у ней въ глазахъ! . . .
Коля бродить одинохонѣкъ . . .
Если-бъ ты пришла, родимая,
Всё тебѣ-бы отдала! . . .
Изъ всѣхъ дяденекъ и тётенекъ,
Моя **самая любимая**
Ты, Тетюленька, была! . . .

*) См. выноску на стр. 18.

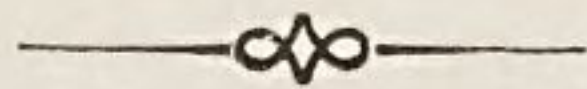
ИЗВИНЕНІЕ.

(О. Н. фонъ Эн—дъ.)

Весна лишь только появилась
И всё въ природѣ разцвѣло,
Всё жизнью юной обновилось
И на душѣ у всѣхъ свѣтло! . . .
Такое-жъ точно оживленье
Замѣтно въ обществахъ людскихъ,
Когда въ нихъ празднуютъ явленье
Лицъ сердцу близкихъ, дорогихъ! . . .

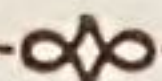
Такъ мыслилъ я, увидѣвъ Васъ
Вчера на вечерѣ Графини,
Гдѣ миль былъ всѣмъ хозяйки гласъ,
Гдѣ скуки не было въ поминѣ!
Гдѣ Вы, своею красотой,
Какъ драгоцѣнный перлъ блистали,
Умомъ, сердечной добротой
И всѣхъ и cadaго плѣняли! . . .
Въ порывѣ чувствъ души святыхъ
Я устремился къ Вамъ съ привѣтомъ,
Примкнулъ къ толпѣ людей младыхъ,
Хоть было то мнѣ не по лѣтамъ! . . .
Не могъ себя я обуздать,
Казаться старцемъ непреклоннымъ —

Кто сердцу может приказать,
Быть съ Вами хладнымъ и притворнымъ?
Другое дѣло — быть виновнымъ! . . .
Въ томъ я сердечно сознаюсь
И, чувствуя вину, винюсь!
Увы! Я Ваше приказанье
Не могъ исполнить какъ желалъ;
Напрасны были всѣ старанья —
Стиховъ въ альбомъ не написалъ! . . .
И вотъ теперь, при встрѣчѣ съ Вами,
Пришлось покаяться въ грѣхахъ! . . .
Но мнѣ-ль Васъ пѣть? Скажите сами, —
Камнеискателю въ горахъ! . . .
Хотя бездушные предметы
Не взяли всей души моей
И въ ней, въ преклонны мои лѣта,
Осталась искра юныхъ дней, —
Но пѣть красы живой природы
Не мой, однако-же, удѣлъ!
Поэтамъ лишь доступны оды —
Я къ нимъ коснуться не посмѣлъ!
Въ замѣнъ, смиренно, **извиненье**
Повергнуто къ Вашимъ стопамъ . . .
Имѣйте каплю снисхожденья
Къ моимъ риѣмованнымъ строкамъ!

Въ альбомъ Л. Г. Вы—ской.

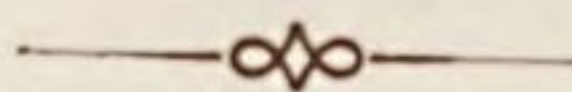
Смотря на Васъ, я часто забываюсь,
Переношусь невольно мыслью въ даль,
Невольно къ юности угасшей возвращаюсь —
При Васъ владѣютъ мной: и радость и печаль! . . .
Знакомый, милый ликъ встаетъ передо мною,
Когда я слушаю живой Вашъ разговоръ,
И сердце полнится отрадой и тоскою,
Когда встрѣчаю я плѣнительный Вашъ взоръ! . . .
И хочется тогда невольно пѣть стихами,
И Васъ и ту, которую любилъ —
Завѣтныя мечты Вамъ выразить словами,
Души растерзанной излить остатокъ силъ! . . .
Но взоръ прелестный Вашъ, всѣ Ваши совершенства
Достойно восхвалять не мнѣ, въ моей глуши!
Поэтамъ истиннымъ дано Творцемъ блаженство —
Пѣть зеркало святой души! . . .

ЗАЧѢМЪ?

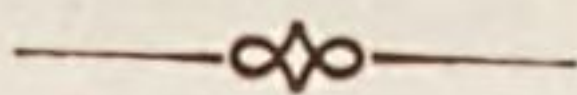
Зачѣмъ, когда я былъ
Безпечень, равнодушень,
Красавицъ, свѣтъ любилъ,
Веселости послушень,
Когда друзей я споръ
Дѣлилъ за чашей полной
И всѣмъ былъ восхищёнъ —
Зачѣмъ тогда Вашъ взоръ,
Плѣнительный и томный,
Ко мнѣ былъ обращёнъ? —
Зачѣмъ меня дарилъ
Улыбкою привѣтной?
Зачѣмъ такъ много говорилъ? . . .
Теперь, когда брожу
Унылый, безотвѣтный,
Дни цѣлые въ слезахъ
Когда я провожу,
Когда въ пустыхъ мѣстахъ
Ищу лишь развлеченья,
Когда лишь образъ Вашъ
Знакомъ воображенью,
Когда, забывъ для Васъ
Весь свѣтъ, я изнываю,
И днёмъ и въ сладкомъ снѣ
О Васъ только мечтаю,

Когда не страшны мнѣ
Ни Бахусъ благосклонный,
Ни совѣсти укоръ,
Ни взглядъ красы нескромной,
Когда вся кровь кипить, —
Зачѣмъ мнѣ тотъ-же взоръ,
Плѣнительный и томный,
Не то-же говорить?

Капризные глаза.

Зачѣмъ, когда въ глаза
Смотря тебѣ, я таю,
Лицо кропить слеза,
Кипить вся въ жилахъ кровь, —
Зачѣмъ я въ нихъ читаю:
Холодность, не любовь?! . . .

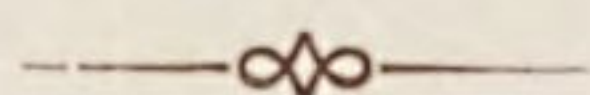
Въ альбомъ молодой танцовщицѣ.

(А. Д. Ко—вой, нынѣ П—вой.)

Когда Вы вступите на сцену,
 Когда талантъ Вашъ разовьѣтся,
 Когда узнають Вамъ всю цѣну
 И громкимъ залпомъ разольѣтся
 Завидный публики привѣтъ, —
 Если умчатъ меня печали
 И я покину здѣшній свѣтъ,
 Желалъ-бъ тогда, чтобъ Вы сказали:
 Ахъ! жалко, жалко, что здѣсь нѣтъ
 Того, кто такъ меня любилъ,
 Отъ всей души со мной шутилъ,
 Бѣдовой дѣвушки названье,
 Въ веселый часъ, кто мнѣ давалъ,
 Дарилъ конфеты на прощанье —
 Меня кто съ дѣтства баловалъ! . . .
 Теперь, смотря какъ всѣхъ плѣняю,
 Какъ я толпу обворожаю,
 Въ какой высокой, чудной мѣрѣ
 Дались балетныя мнѣ штуки, —
 Онъ, аплодируя въ партерѣ,
 Себѣ отхлопалъ бы всѣ руки!

Невыразимая любовь.

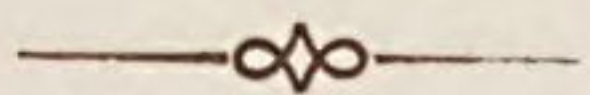
Люблю я всё въ ней —
 Стройность стана,
 И звукъ привѣтливыхъ рѣчей,
 И томный взглядъ ея очей,
 И нравъ ея полузакрытый,
 И ротъ ея полуоткрытый,
 И чудныхъ перловъ цѣлый рядъ —
 Люблю простой ея нарядъ
 И всё другое, что ей дано! . . .
 Люблю я страстно, безнадежно,
 Люблю такъ искренно, такъ нѣжно,
 Какъ только сердце можетъ знать, —
 Какъ не могу я описать!

Невѣста, украшающая портретъ своего жениха.

Какъ сладко розами, вѣнками
 Портретъ любимый украшать —
 Носиться въ будущемъ мечтами
 И полнымъ счастьемъ дышать! . . .

Пора любви, пора святая,
 Ты льёшься быстрою рѣкой . . .
 Ахъ! Лейся, лейся, дорогая,
 И увлекай меня съ собой!

П Р И Д И !

(Романсъ.)

Приди, приди! Мой ангелъ милый,
Приди, на зовъ сердечный мой! —
Разочарованный, унылый
Я жду тебя, невольникъ твой!

* * *

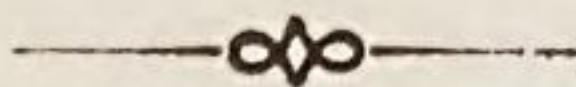
Я жду тебя и сердце бьется,
И вздохъ любви къ тебѣ летитъ,
Въ душѣ твой голосъ раздается
И лучъ надежды въ ней горитъ!

* * *

Приди въ мое уединенье,
Дай мнѣ отраднѣе вздохнуть, —
Дай мнѣ къ груди твоей прильнуть
И изомлетъ отъ упоенья!

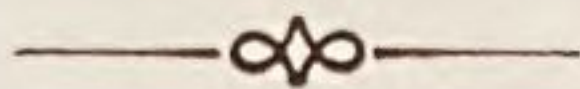
* * *

Приди, приди! Мой ангелъ милый,
Приди, на зовъ сердечный мой! —
Разочарованный, унылый,
Я жду тебя, невольникъ твой!

Посылка на новоселье.(В. В. Со—ву.)

На открыто новоселье
Каждый хлѣбъ и соль несѣтъ,
При желаньи благъ, веселья,
Каждый свой гостинецъ шлѣтъ! . . .
Такъ и я, другъ-однокашникъ,
Шлю тебѣ чѣмъ Богъ послалъ! —
Вотъ на твой домашній праздникъ
Разной утвари набралъ . . .
Тутъ найдѣшь ты: чайникъ, чашку
И вино (на здравье пей!)
И весеннюю букашку,
Въ память нашихъ юныхъ дней! . . .
И поддонникъ для сигарокъ,
Колокольчикъ — динь, динь, динь!
Календарь, для разныхъ справокъ,
Всѣ отъ сердца, вѣрь, — аминь! . . .

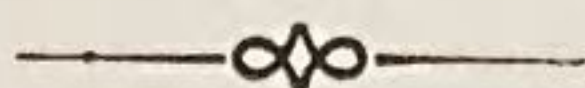

Приглашеніе на обѣдъ.

(В. В. Со—ву.)

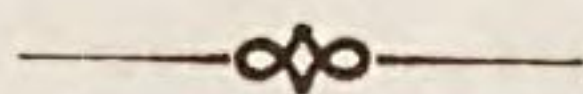
На дняхъ мнѣ гуся принесли . . .
Звѣрь благородный и дородный,
Осанки гордой, безподобный, —
И, какъ шепнулъ намъ Елисѣй,
Отродье тѣхъ гусей,
Что, знаешь, Римъ спасли! . . .
Но, другъ, скажу я мимоходомъ,
Нашъ гусь лишь знатенъ родомъ,
А толку, право, мало въ нёмъ! . . .
Пытали мы его, вдвоёмъ,
Совать туда, сюда — не годенъ никуда!
Мнѣ-жъ стукнуло сегодня сорокъ два . . .
Тебя, братъ, жду — гостей,
На рынкѣ забрано премножество сластей,
Весь домъ поставленъ на дыбы,
Для столь торжественной среды!
И такъ, что-бъ угостить гостей,
Тебя, любезнаго собрата, —
Зажарилъ я аристократа! . . .

Приди-же раздѣлить
Со мной мою трапезу,
И жизни горечную грезу
Виномъ заморскимъ заглушить!

Приглашеніе на вечеръ.

Сдвинься съ мѣста, однокашникъ,
Въ день воздвиженья креста,
Вспомни друга въ крестный праздникъ,
Пріѣзжай, ради Христа! . . .
Вчера феѣ-корнееѣ
Даль я слово дома быть, —
Улыбнись такой затѣѣ,
Что-бъ беззубымъ не прослыть! . . .
Но признаться, милый, должно:
Зубы нечего вострить —
Увлекаться невозможно! . . .
Локонъ, маленькую ножку,
Словомъ прелести всѣ феѣ,
Ужъ похитилъ, жаль немножко,
К—ръ давно, злодѣѣ!
Ergo, для зубовъ готово:
Сыръ, пирогъ, конфекты, чай —
Ergo, въ 7 часовъ я дома,
Ну, смотри-же, пріѣзжай!

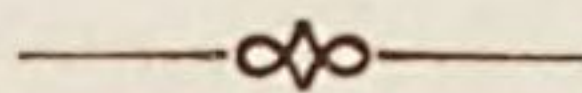
Родной пѣвицѣ.

(Н. Г. Ха—вой.)

Молва, какъ молнія, летитъ
О Васъ, талантѣ благодатномъ,
Талантѣ Русскомъ, намъ отрадномъ,
И Муза гордая улыбкой Васъ даритъ! . . .

Давно, признаться, мнѣ желалось
Услышать чудный голосъ Вашъ,
Да какъ-то всё не удавалось —
Всему виной музеумъ нашъ!
Но вотъ насталъ день вождеденный,
Вотъ наконецъ я слышу Васъ! . . .
Святымъ восторгомъ упоенный —
Благословляю этотъ часъ!
Вашъ голосъ свѣтлый, полный силы,
Уже раздался и звучитъ,
И увлеченіемъ блеснить
И льётъ душевные порывы!
То нѣжень онъ, то смѣлъ и чистъ,
То силенъ, сладокъ, бархатистъ! . . .
Съ какою огненной душой
Поёте Вы романсъ безцѣнный! —
Какою чудною мечтой
Проникнуть взоръ Вашъ вдохновенный! . . .

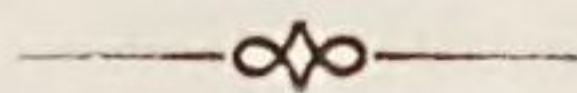
Въ Васъ искра Божества горить . . .
О! Сохраните, какъ златые,
Вы эти звуки неземные! —
Не само-ль небо Вамъ дарить
Ихъ бархатъ, перлы дорогіе?! . . .

Мастерицѣ пѣтъ романсы.

(Н. Г. Ха—вой.)

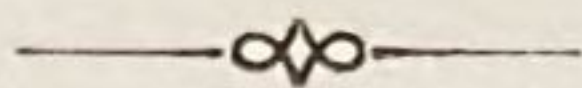
Я слышалъ Васъ . . . Я восхищёнъ . . .
Я виѣ себѣ отъ удивленья! . . .
Кто, впрочемъ былъ-бы не плѣнёнъ
И не предался увлеченью? . . .
Кто къ Вамъ не бросился-бъ въ столицу
И не погнался за мечтой,
Когда поютъ „Душу-Дѣвицу“
Такъ страстно и съ такой душой!? . . .

На свѣтъ всё проходитъ.

Смотря на юность, я, невольно,
Переношусь къ моей веснѣ, —
Хоть тяжело и сердцу больно
Припоминать о старинѣ! . . .
Насъ веселятъ и увлекаютъ
Картины юношескихъ лѣтъ, —
Ихъ жизнь, надежды, пылкій бредъ
Въ душѣ былое воскрешаютъ!

Увы! И твой черёдъ придѣтъ
Безпечная, златая младость! . . .
Ты не замѣтишь какъ пройдетъ
И лѣто красное, и радость! . . .
Настанетъ осень, а она —
Дождями, бурями полна! . . .
А тамъ, — тамъ, смотришь, и зима! . . .
Съ ея приходомъ не вернѣтся
Къ намъ что прошло ужъ никогда . . .
И сердце даже не забѣется —
Оледенѣетъ навсегда! . . .

Страстная любовь.

Тебя прошу, тебя молю,
Къ тебѣ взываю, изнываю,
Тебя всѣмъ сердцемъ обожаю —
Тебя безъ памяти люблю!

ЧЕРЕДЪ.

Пришолъ, пришолъ и мой черёдъ! . . .
Конецъ ужъ близокъ, рокъ уносить, —
А всё чего-то сердце ждѣтъ,
И всё душа чего-то просить!

Возвращеніе въ Швейцарію.

Забыто мною всё, покинута и служба! . . .
Швейцарія! — Тебя-ль я вижу вновь? . . .
Влекла меня къ тебѣ теперь святая дружба . . .
Зачѣмъ, какъ нѣкогда, — и не любовь?!

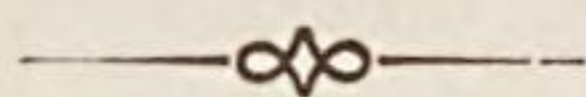
Пригласительный листок альбома холостяка.

Альбомъ безъ роскоши, безъ злата,
Для Васъ, знакомые, открыть —
Для Васъ, кому укромна хата
Порою на пути лежитъ . . .
Для друга, по душѣ собрата,
Для близкихъ сердцу, для родныхъ,
Для всѣхъ товарищей лихихъ
И для зоила супостата! . . .
И для безпечнаго лѣнивца,
И для любовника счастливца,
Угодника чужой жены,
Для дѣловаго сослуживца
Чиновной нашей стороны, —
Годами сгорбленнаго старца,
Любви непонятой страдальца,
Который вздумалъ забрести
Ко мнѣ съ мечтою о коварной,
Чтобъ могъ онъ душу отвести,
Вклеивъ стишокъ высокопарный! . . .
Пускай здѣсь тѣшится себѣ,
Въ бреду восторженнаго чувства,
Забывъ теоріи, искусства,
Лишь давъ разгулъ драгой мечтѣ,
Пуской поётъ про чѣрны очи,
„Яснѣ дня, чернѣ ночи!“

Пусть ставитъ выше всѣхъ чудесъ
 Ихъ взоры жгучіе, живые, —
 Иль прославляетъ до небесъ
 Глаза небесно-голубые
 (Признаться синенькіе глазки
 Не разъ и я вздыхалъ отъ васъ! . . .
 Но всё прошло и эти сказки
 Ужъ, слава Богу, не для насъ!); —
 Для вѣрнаго своей супругѣ,
 Судьи престогаго людей —
 И для поклонника затѣй,
 Чтобъ не зѣвалъ онъ на досугѣ! . . .
 И для хорошенькой субретки,
 Тайкомъ въ кварталъ холостяка
 Порхнувшей изъ лоскутной клѣтки, —
 И для повѣсы остряка,
 И для цыгарокъ знатока,
 Для обольстителя, злодѣя . . .
 Найдется также уголокъ
 И для педанта грамматѣя
 (Всё входитъ въ дружескій кружокъ!):
 Вездѣ-ли ѣ стоитъ на мѣстѣ?
 Вездѣ-ли ладъ рѣчей въ семействѣ?
 Пусть строгій смотръ онъ совершитъ,
 Въ ошибкахъ явно уличитъ,
 За бунтъ, отъ правилъ отступленье
 Виновнаго пускай казнить —
 Потомкамъ нашимъ въ наставленье! . . .

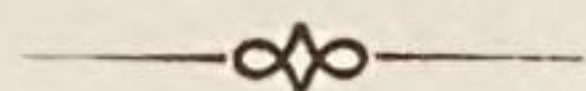
Пусть чувство, умъ, порывъ и страсть,
 Пусть память сердца сокровенна,
 Иль мысль мелькнувшая мгновенно,

Иль мимолетныя мечты,
И плоскости и остроты,
И всѣ мірскія суэты
Найдутъ довольно здѣсь простора, —
Друзья пусть вѣрятъ: изъ избы
Не будетъ вынесено сора!

Къ моему альбому.

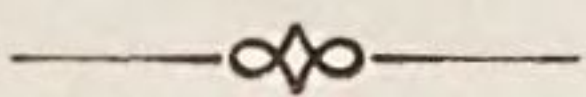
Альбомъ мой простъ и безъ затѣй,
Но мнѣ онъ будетъ наслажденьемъ! —
Пусть строки милыя друзей
Ему послужатъ украшенъемъ!

Приписка къ каррикатурѣ альбома моихъ учениковъ.

Въ каррикатурный Вашъ альбомъ
И я попался, горемычный! . . .
Портрету моему данъ тонъ,
По истинѣ сказать, — комичный!

Шутите, милые друзья,
Надъ моею бѣдною фигурой, —
Лишь-бы не чла Ваша семья:
Оригиналъ — каррикатурой!

Въ альбомъ С. А. Б—къ.

Я много странствовалъ, не мало странъ видалъ,
Знавалъ я многое и много испыталъ,
Съ добромъ и злобою знакомился не разъ,
Но женщины добрѣ Васъ —
Нигдѣ я, право, не встрѣчалъ!

При посылкѣ стихотворенія.

(С. С. Ан—вой.)

Ѥдва переписалъ риѡмованныя строки,
Какъ ужъ спѣшу ихъ къ Вамъ скорѣй послать!
„Гдѣ-жъ мудрости“, Вы скажете, „уроки?“
„Зачѣмъ насъ заставлятъ скучать!“ . . .
Не сами-ль Вы меня избаловали,
Прелестный другъ, своею добротою? . . .
Ещё вчера, неправда-ль, Вы сказали:
„Тобой довольна я, поэтъ мой дорогой!“
И вотъ возмездіе готово Вашей ласкѣ:
Тревожатъ Васъ опять знакомыя мечты! . . .
Ахъ! Стройте младости опасныя ей глазки, —
Мнѣ-жъ дайте капельку сердечной теплоты!

Отвѣтъ на письмо.

(С. С. Ан—вой.)

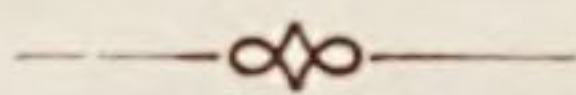
„Въ краю родномъ не забывайте,
„Какъ пѣла я порой, —
„Въ часы досуга вспоминайте:
„Меня и голосъ мой!“

(Изъ письма С. С. Ан—вой.)

Въ странѣ родной, въ краю чужомъ —
Повсюду голосъ Вашъ прелестный
Плѣнялъ меня своимъ огнёмъ
И выразительностью нѣжной! . . .
Внимая Вамъ, я отдыхалъ
Отъ непогодъ людскаго моря, —
Я счастливъ былъ и забывалъ
И тягость лѣтъ и грусть и горе! . . .
Ахъ! Гдѣ теперь Вашъ голосокъ
Волшебной трелью раздается?
Бросаетъ кто Вамъ свой цвѣтокъ? —
Чьё отъ восторга сердце бьётся? . . .
Мы здѣсь совсѣмъ осиротѣли,
Съ тѣхъ поръ, какъ добрая семья
И Вы за море улетѣли, —
Холодный сѣверъ не влюбя! . . .
И Коэрово насъ, унылыхъ,
Къ себѣ ни манить, ни зовётъ —
Тамъ нѣтъ хозяевъ сердцу милыхъ,
Тамъ соловей нашъ не поётъ!

Перечитывая написанныя строки, я невольно смущаюсь: онѣ далёко не соотвѣтствуютъ талантамъ Вашимъ! — Это слишкомъ бѣдный цвѣтокъ для роскошнаго букета пѣвицы-поэта! . . .

Цвѣтокъ мой бѣденъ, не роскошенъ,
Не ароматенъ, не пушистъ, —
Но не уже-ль онъ будетъ брошенъ,
За то, что простъ, не бархатистъ? . . .
Онъ былъ взлелѣянъ чистымъ чувствомъ,
Садовникъ былъ его простой,
Не избалованный искусствомъ —
Цвѣтокъ онъ просто полевой!

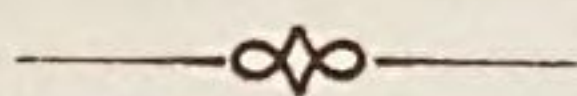

Волшебная пѣснь.

(С. С. Ан—вой.)

И холодно и сыро
Поблѣкшій листь летитъ, —
Всё какъ-то мнѣ не мило
И сердце такъ болить! . . .
Лишь сладостной волною
Плеснуло . . . Ожилъ я! . . .
Полна опять тоскою
Грудь бѣдная моя!
Ахъ! Гдѣ мнѣ облегченья
Отъ горестей найти? —
Гдѣ сердцу изцѣленье?
Гдѣ душу отвести? . . .

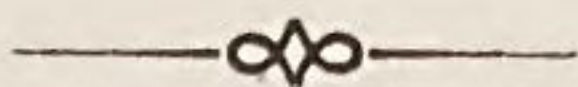
Есть мѣсто золотое
 Для недуговъ такихъ,
 Душѣ тамъ всё родное —
 Напастей никакихъ! . . .
 Тамъ, въ Ш—нѣ, есть кусточекъ,
 На радость всѣмъ цвѣтётъ,
 И въ нёмъ одинъ цвѣточекъ
 Усладну пѣснь поётъ;
 Лишь сердце грусть затронетъ,
 Пѣснь въ мигъ заговоритъ —
 И вотъ оно не стонетъ
 И будто не болитъ! . . .
 Цвѣтокъ я этотъ знаю,
 Онъ милъ, во всей красѣ . . .
 Его я обожаю —
 Онъ симпатиченъ мнѣ! . . .

При посылкѣ на просмотръ стиховъ.

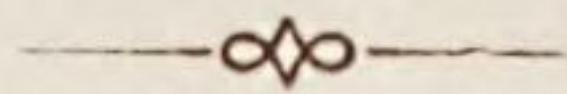
(С. С. Ан—вой.)

Я шлю мое стихотворенье,
 На судъ всегда правдивый Вашъ . . .
 De gràce, имѣйте снисхожденье: —
 Возьмите мудрый карандашъ,
 Черкните ручкой тамъ и сямъ, —
 Гдѣ простота и неумѣнье
 Осмѣлились явиться къ Вамъ!

Страдающей зубною болью.(С. С. Ан—вой.)

Цѣлыя ноченьки, въ осень ненастную,
Боль обрекла Васъ сидѣть! . . .
На Васъ, прекрасную, зореньку ясную,
Жалко мнѣ, право, смотрѣть! . . .
Гдѣ-жъ Ваша пѣсенка? Гдѣ она, вѣрная
Для **заговоровъ** святыхъ?
Лечить она, знать, моя задушевная,
Только душевныхъ больныхъ! . . .
Ахъ! Если-бъ могъ я помочь Вамъ хоть риѣмами, —
Цѣлыя-бъ ночи писалъ! . . .
Или — лечить логариѣмами,
Вамъ-бы рецептъ прописалъ! . . .
И съ увлеченіемъ, съ должнымъ почтеніемъ,
Не устрашась судей злыхъ, —
Вамъ-бы тетрадку поднёсъ, съ наслажденіемъ,
Стихотвореній плохихъ!

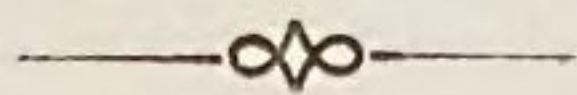

П Р І Ъ З Д Ъ.

(С. С. Ан—вой.)

Что значать эти дивны клики,
 И говоръ люда и пальба? —
 Откуда этотъ шумъ великій,
 И оживленье и ѣзда?! . . .
 Чего ещё не доставало
 Для Ш—на, гдѣ любовь царить? . . .
 „Да музыки тамъ было мало!“
 Мнѣ тайный голосъ говорить . . .

Я поднимаюсь на терасу —
 Очарованіе вездѣ! . . .
 Знакомыхъ узнаю я съ разу —
 Какъ будто грезится во снѣ! . . .
 Вотъ и Джульета и Ромео
 Клянутся въ вѣрности, любви, —
 Вотъ Дездемона и Отелло,
 Со страстью, ревностью въ крови! . . .
 И Норма, подъ тѣнистымъ дубомъ,
 Поётъ святую пѣснь свою . . .
 Не одержимъ-ли я недугомъ? —
 Бредъ обуялъ главу мою! . . .
 И мнѣ казалось вся вселенна
 Въ одну гармонію слилась, —
 Отъ радости душа рвалась! . . .
 Но удивительно-ль? —
 Здѣсь **Софія Сергѣвна!**

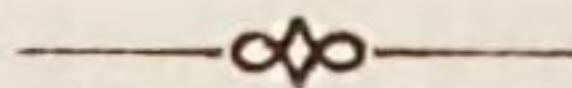

На прощаньи.

(С. С. Ан—вой.)

Что мнѣ сказать Вамъ на прощаньи?
Чего отъ сердца пожелать?
Вамъ, кому Богъ послалъ призванье
Цвѣты и лавры пожинать! . . .
Желаю Вамъ здоровья, счастья,
Во всѣмъ успѣхъ, чтобъ доброта,
Къ страданьямъ ближняго участие —
Остались съ Вами навсегда! —
Чтобъ Вашъ прелестный голосокъ
Со страстью новой разразился —
И имъ опять-бы огласился
Вашъ восхитительный лѣсокъ! . . .

Ахъ! Пой нашъ, пой нашъ соловей,
Среди дубравъ, садовъ, полей! . . .
Вотъ моя греза и мечтанье —
Душевное мое желанье!

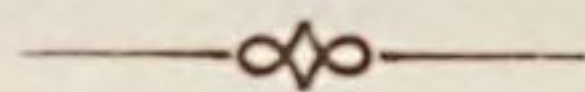

Предъ отъѣздомъ.

(С. С. Ан—вой.)

Въ былые годы, на прощаньи,
Я Вамъ въ альбомъ стихи писалъ
И сердца тайныя признанья,
Какъ другу нѣжному ввѣрялъ.
Зачѣмъ-же дѣлать отступленье
Отъ прошлыхъ, счастливыхъ годовъ? . . .
Вѣдь это было-бъ преступленье
И я не былъ-бы К—овъ,
Когда-бъ за тѣмъ, что не поэтомъ
Родился, гдѣ-то тамъ въ глуши,
Я не принёсъ предъ здѣшнимъ свѣтомъ
Вамъ благодарности души! . . .
Ахъ! Вашу дружбу и участие
Я не забуду никогда! —
То перлы жизненнаго счастья
И драгоцѣнны навсегда!
Впадаю смѣло, съ увлеченьемъ
Въ мои я старые грѣхи —
Съ какимъ-то, право, изступленьемъ
Пишу плохіе Вамъ стихи!
Скользить, несётся по бумагѣ
Вамъ столь знакомое перо —
Я полнъ воинственной отваги,
Хоть, знаю, будетъ мнѣ **зеро!**

Съ людьми, которые по сердцу
 Пришлись . . . Прощаться не легко, —
 Мнѣ-жъ, сумазброду, суэвѣрцу,
 Повѣрьте, даже тяжело! . . .
 И всё становится грустнѣе . . .
 Когда увидимся? . . . Какъ знать! . . .
 А всё-жъ хотѣлось-бы скорѣе
 Опять Вамъ здравствуйте сказать!

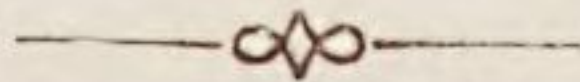

При новой встрѣчѣ.

(С. С. Ан—вой.)

Прощаясь съ Вами, я желалъ
 Сказать Вамъ здравствуйте скорѣе . . .
 Не долго я о томъ мечталъ —
 Васъ вижу! . . . Вы ещё милѣе! . . .

О! Счастливый мечтатель!
 Знать, милостивъ къ тебѣ Создатель!

ДУЭТЪ.

(С. С. Ан—вой.)

Вашъ всепокорнѣйшій поэтъ
 Хотѣлъ писать уже Вамъ оду,
 Но съ толку сбиль его дуэтъ
 И кануло всё будто въ воду!
 Его тревожному уму
 Мерещутся по всюду двое, —
 И капитанскую суму
 Онъ видитъ въ розахъ, а не въ строфъ!

Чуть свѣтъ, бѣдняжка, ужъ бредѣтъ
 Къ святой часовнѣ Непомука! . . .
 Гнетѣтъ его тоска и скука
 И онъ вопросъ себѣ даѣтъ:

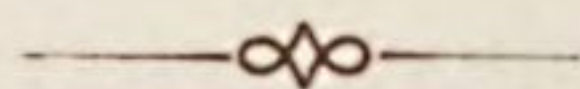
„Какими дивными словами,
 „Какими чудными дѣлами,
 „Злодѣй Её приколдовалъ —
 „Ключъ къ сердцу нѣжному прибралъ?“ . . .

А тамъ опять о Васъ мечтаетъ
 И, съ злобой въ сердцѣ, восклицаетъ:

„Постой, постой, мой капитанъ,
 „Ты скоро, скоро будешь пьянъ! . . .
 „Какъ мнѣ, дадутъ тебѣ отставку,
 „Швырнуть какъ старую булаву! . . .

„Придѣтъ и твой чередъ вздыхать,
 „Томиться ревностью, страдать!
 „Твой часъ пробилъ! . . . Твои дуэты
 „Другими скоро будутъ пѣты!“

Здѣсь Непомука скромный храмъ
 Прервалъ порывъ души ревнивой . . .
 Поэтъ Вашъ, мрачный и унылый,
 Въ нёмъ предался святымъ мольбамъ.

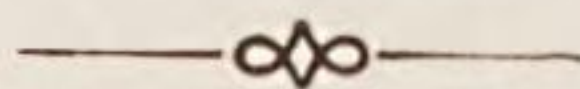

На другой день послѣ домашняго концерта.

(С. С. Ан—вой.)

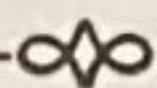
Не знаю, право, какъ случилось? . . .
 Поэтъ Вашъ, видно, оплошалъ! . . .
 Богиня пѣнья ему снилась —
 Плѣненный ею, онъ проспалъ! . . .
 За то сегодня онъ гуляетъ,
 Не шлѣтъ обычныхъ Вамъ стиховъ, —
 О чудѣ, можетъ быть, мечтаетъ,
 А чудо не находитъ словъ! . . .
 Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Васъ представить?
 Талантъ Вашъ какъ изобразить? —
 Васъ — мастерицу сердцемъ править
 И всѣхъ и каждого плѣнить?! . . .

Вчера Вы были вдохновенны . . .
 Вчера Вы были несравненны!

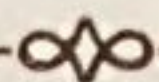
Замокъ Ш—нъ вечеромъ.

На Западъ солнце склонилось . . .
На горизонтѣ голубомъ,
Альпійскихъ горъ цѣпь появилась,
Во всёмъ величїи своемъ! . . .
Злата плѣнительные склоны,
Зари послѣдній лучъ мерцалъ
И вѣковыя горъ короны
Волшебнымъ свѣтомъ озарялъ; —
Туманно-розовыя тѣни
Ложились лентами кругомъ,
Орлы, ища укромной сѣни,
Вились надъ бездною и ручьёмъ . . .
Но стихло всё . . . И закатилось
Свѣтило отжитаго дня,
И луннымъ свѣтомъ засребрилась
Благословенная страна!
И замокъ Ш—нъ величавый
Поднялъ торжественно главу —
Покрытый лаврами и славой
Тріумфъ обдумывалъ Орлу! . . .
Его хозяинъ съ поля чести
Идѣтъ съ увѣнчаннымъ челомъ,
Съ надеждой въ сердцахъ, чуждый мести,
Съ святымъ Георгіевскимъ крестомъ!

Красавицѣ въ грусти.

Не говорите, мнѣ понятны
Порывы пламенной души! . . .
Слова любви намъ такъ пріятны, —
А Вы . . . И молоды и хороши! . . .
Стрѣлой Амура неизмѣнной
Умѣли злобу Вы сразить —
И, какъ весны цвѣтокъ безцѣнный,
Собой пустыню оживить! . . .
Вамъ сердце нѣжное осталось,
Въ награду, вѣрнымъ навсегда, —
Оно измѣны не касалось,
Къ другой не билось никогда! . . .
Ахъ! Это сердце мнѣ извѣстно,
Давно знакомо мнѣ оно . . .
Вотъ отчего здѣсь всё прелестно
И мнѣ здѣсь дышется легко!

Спасеніе отъ голода жителей замка Ш—на.

Дѣвицы Ш—на отличались
 Всегда умомъ и красотой —
 Мущины ими восхищались
 И ихъ любили всей душой!
 Да что — дѣвицы, тамъ и дамы
 Перебалованы судьбой —
 Весь женскій родъ ужъ тамъ такой! . . .
 Толпа, газеты, телеграммы
 Имъ пѣсни сладкія поютъ —
 Неотразимыми зовутъ! . . .
 Попался въ Ш—нъ молодецъ,
 Ну, и конецъ! . . .
 Онѣ тамъ промаховъ не знаютъ,
 Всѣхъ прямо въ сердце поражаютъ!
 На что нашъ Г—гъ удалецъ,
 Изъ храбрецовъ лихихъ храбрецъ,
 Булатъ въ рукахъ не разъ держалъ —
 И тотъ предъ ними спасовалъ! . . .
 Альпійска воздуха глотнувши,
 Одни лишь камешки молчатъ, —
 Они лежатъ, будто заснувши,
 Того гляди, — заговорятъ! . . .

Всё это, впрочемъ, уже знали, —
 Историки повѣствовали . . .
 Но Ш—скихъ барышенъ запасъ
 Неистощимъ! — Онъ нынче спасъ

Отъ глада множество людей! —
 Тутъ было имъ не до сѣтей, —
 Тутъ сердце въ нихъ заговорило! . . .
 Я расскажу Вамъ всё какъ было:

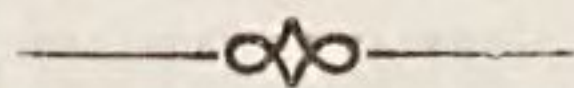
На кухню замка мракъ сошѣлъ . . .
 Всевышней волею Зевеса
 Послалъ его Вулканъ, повѣса, —
 Такой ужъ, видно, стихъ нашелъ!
 Начальникъ-поваръ съ поваренкомъ,
 Великій плутъ съ блажнымъ ребенкомъ,
 Деньжонокъ барскихъ понакралъ,
 Махнулъ рукой, да и сбѣжалъ!

Что-жъ это, право, будетъ съ нами,
 Великородными Князьями? . . .
 Хозяинъ началъ разсуждать,
 И ну, въ погоню посылать
 Своихъ откормленныхъ лакеевъ,
 Искать себѣ другихъ злодѣевъ! . . .
 Вѣдь надо людъ кормить, поить
 Да и гостей-то угостить! . . .
 Но посланцы сколько ни бились —
 Безъ поваренковъ воротились! —
 Пришлось всѣмъ намъ голодать! . . .
 Какъ вдругъ, изъ за громады тучъ,
 Блеснулъ надежды свѣтлый лучъ:
 Спасительницы появились! . . .
 Двѣ милovidныя дѣвицы,
 Ну, словно, кровныя сестрицы,
 Пришли, хозяйкѣ поклонились,
 На образа перекрестились,

И говорятъ: Да мы-то что-жъ?
Хотя бросаетъ насъ и въ дрожь,
А всё-жъ, подъ кровомъ Непомуки, —
Мы дѣвы Ш—на на всѣ руки! . . .
Грѣха намъ нечего таить, —
Васъ мы съумѣемъ угостить!
И вотъ пошла кипѣть работа
И спала съ плечъ у всѣхъ забота! —
Быль поданъ завтракъ и обѣдъ —
Отъ глада спасшій Ш—скій свѣтъ!

Хозяинъ добрый восхищался,
Веселью долго предавался!
Онъ издалъ наконецъ приказъ:
За трудъ, спасенье погибавшихъ,
Отъ дыма, пламени страдавшихъ
Дѣвицъ — медалью наградить
И славу вѣчну имъ трубить! . . .

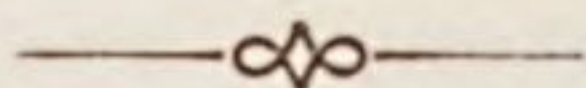
Вотъ мой и кончился рассказъ.

ЖЕЛАНІЕ.

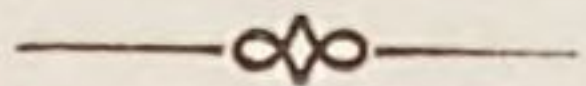
(Княгинѣ Н. С. Бо—не.)

Здоровья, добраго пути,
Веселья, всякой благодати,
Богатства (то-же всегда кстати) —
Желаю Вамъ отъ всей души! . . .
Въ очаровательный Вашъ „Штейнъ“ —
Хозяйкой доброю вступить,
Всю пылкость сердца сохранить,
И чувствами — не походить на Stein!

Незабвенная семья.

Семьи я Ш--на не забуду,
Пока живу въ отщитанный мнѣ срокъ,
И дружбу нѣжную я долго помнить буду —
Есть въ сердцѣ для неё завѣтный уголокъ!
Да и тебя, благословенный Ш--нъ,
Мнѣ также долго не забыть . . .
Милы твои сады, прелестенъ Траунштейнъ,
Отрадно и свѣтло мнѣ было въ тебѣ жить!
Мечты мои порой, какъ въ юности, носились
Въ стѣнахъ твоихъ, подъ кровомъ дорогимъ,
И слёзы жгучія изъ глазъ не разъ катились,
Когда объять я былъ блаженствомъ неземнымъ!

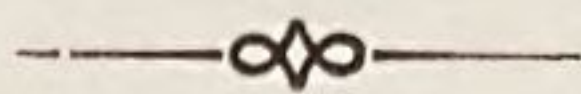

Разлука съ любимымъ мѣстомъ.

Сердце ноетъ, сердце стонетъ
Сына Коли моего . . .
Въ даль глядя, онъ видитъ — тонетъ
Время милое его! . . .

Гдѣ прогулки дорогія? —
Ласки, чувства гдѣ святыя? . . .
Всё исчезло, всё прошло —
Время горькое пришло!
Надо съ Ш—мъ распроститься,
Въ путь дороженьку пуститься!
Не смягчились небеса
Его тёплыми мольбами,
Хоть онъ вѣритъ въ чудеса! . . .
И, бѣдняжка, со слезами,
Старика отца любя,
Ѣдетъ въ дальные края! . . .
Но онъ Ш—на не забудетъ,
Пока сердце биться будетъ!

Сердце ноетъ, сердце стонетъ
Сына Коли моего . . .
Въ даль глядя, онъ видитъ — тонетъ
Время милое его! . . .

При отъѣздѣ изъ замка Ш—на.

Прощайте милые края,
 Гостепріимный замокъ Ш—нъ,
 Сады, зелѣныя поля,
 И Мюнхенъ, Зальцбургъ, Траунштейнъ!
 Судьба велитъ покинуть васъ —
 На долго, можетъ быть на вѣкъ! . . .
 Я старый, хворый человѣкъ
 И мой уже сосчитанъ часъ! . . .
 Но никогда я не забуду
 Пріязни милой мнѣ семьи,
 И долго Ш—нъ помнить буду
 Очарованія твои!

При разсмотрѣніи кристалла Фенакита, заключающаго въ своей внутренности кристаллы Александрита.

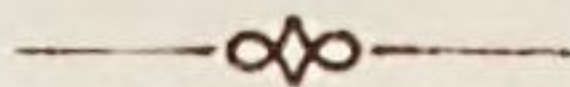
И всё-жъ свѣтлѣе Фенакита
 Блестятъ лазурные глаза! . . .
 Любовь и страсть въ нихъ глубже скрыта,
 Чѣмъ вrostочки Александрита
 И многія другія чудеса!

Отъѣздъ въ Петергофъ.

Вокругъ и шумъ и суэта,
Повсюду слышатся прощанья,
И улица ужъ занята
Толпой зѣвакъ, во ожиданьи . . .
Нашъ пароходъ давно клокочетъ,
Матросъ безъ усталы хлопочетъ,
Бѣжитъ гуляка запоздалый,
Толкается и добрый малый,
Старушка, съ моською въ рукахъ,
Забыла зонтикъ въ поныхахъ,
Её кухарка догоняетъ,
Чтобъ вещь забытую вручить, —
Вотъ и чиновникъ поспѣшаетъ,
Какъ бы звонка не пропустить!
Летитъ богачъ въ златой каретѣ,
Столичный франтъ, — онъ при лорнетѣ,
Киваетъ томно головой
Своей возлюбленной Аннетѣ, —
Тамъ юноша стоитъ нѣмой . . .
Во рту съ предлинною сигаркой,
Иванъ Иванычъ, добрый Шмидтъ,
Прощается съ своей хозяйкой, —
Нашъ старый воинъ — инвалидъ,
Забравшись на носъ съ позаранку,
Глядитъ отрадней, веселей —

Онъ опорожнилъ свою стеклянку
И думаетъ: Маршъ, въ путь скорѣй! . . .
Народъ волнуется, снѣшить,
Всё жизнью полною кипить! . . .
Лакей съ картонкой суэтится . . .
Раздался наконецъ звонокъ
И каждый ищетъ уголокъ,
Гдѣ могъ-бы лучше пріютиться!

Вотъ я совсѣмъ ужъ въ путь готовъ . . .
Вотъ на дорогѣ въ Петергофъ! . . .
Въ сѣдыя волны ударяясь,
Летитъ стрѣлою пароходъ,
И дымъ, змѣею извиваясь,
Мрачитъ лазурный неба сводъ!
Мелькаютъ Невскіе дома . . .
Но безъ прикрасъ, безъ прибавленій,
Ужъ не сошѣлъ-ли я съ ума? . . .
Куда влечётъ меня злой геній? . . .
Возможно-ли забыть весь свѣтъ,
Для дѣвочки въ * * * лѣтъ?! . . .

Въ альбомъ юной артисткѣ.

Вашъ кроткій нравъ, Вашъ милый умъ
И взглядъ Вашъ томный, полный думъ,
И Ваши локоны златые,
Глаза небесно-голубые,
И словомъ всё что красить Васъ,
Меня плѣняло, восхищало
И радость юныхъ лѣтъ подъ часъ
Въ душѣ невольно воскрешало! . . .
Вашъ образъ ангельскій, невинный
Въ часы досугъ иль вечеръ длинный,
Въ минуты сладкія во снѣ,
Являлся часто, часто мнѣ! . . .
Съ какимъ томительнымъ мученьемъ,
Съ какимъ горячимъ нетерпѣньемъ,
Я ожидалъ тотъ день, тотъ часъ,
Взглянуть когда я могъ на Васъ! —
Я счастливъ былъ! . . . Живя въ тиши,
Тогда я брѣлъ тропой цвѣтистой, —
Любовью нѣжной, братской, чистой
Я Васъ любилъ отъ всей души!
Но всё проходитъ въ этомъ свѣтѣ, —
Отрады топить время въ Лѣтѣ! . . .
Мечты смѣняются мечтами,
Уходитъ молодость съ лѣтами,
Любовь, надежды, упованья
Бѣгутъ — для насъ не вѣрны,
И лишь однѣ воспоминанья
Намъ остаются неизмѣнны! . . .

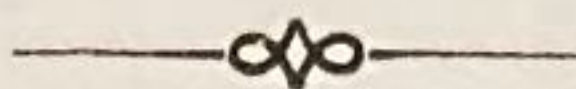
Однако, я пишу въ альбомъ! —
 Зачѣмъ-же этотъ грустный тонъ?
 Альбомы полны всѣ желаній,
 Въ нихъ мѣста мало для мечтаній!
 Мнѣ слѣдуетъ, прелестное дитя,
 Здѣсь говорить съ Вами — шутя!
 Но кто, скажите, не мечталъ?
 Кто въ жизни сей когда не бредилъ? —
 Вотъ я почти и незамѣтилъ,
 Какъ цѣлый листъ Вамъ написалъ! . . .
 За флёръ сихъ строкъ простите мнѣ! —
 Ихъ, вѣрьте, сердце диктовало —
 Не удивляйтесь-же ни мало,
 Что онѣ грустны по канвѣ! . . .
 И Вы быть можетъ ужъ мечтали . . .
 Но къ дѣлу, къ дѣлу поскорѣй!
 Не властенъ я въ судьбѣ моей, —
 Что нужды Вамъ въ моей печали! . . .

Несутся быстро дни и годы,
 Измѣнчивъ возрастъ нашъ, какъ моды,
 Людская жизнь шумить, кипить,
 А время всё на крыльяхъ мчить! . . .
 И Вамъ не долго ждать поры,
 Краса подругъ, заря балета,
 Когда природа всѣ дары,
 Прольётъ на Васъ, для славы свѣта! . . .
 Какъ распустившійся цвѣтокъ,
 Какъ майскій, рѣзвый мотылёкъ,
 И Вы вспорхнёте изъ неволи!
 Всему пора есть, череда . . .
 Ахъ! Какъ желалъ-бы я тогда
 Блестящей, счастливой Вами доли! . . .

Желалъ-бы я, чтобъ Вы собой
 Весь Петербургъ обворожили,
 Цвѣты лились-бы Вамъ рѣкой
 И лишь о Васъ-бы говорили!
 Молва о Сильфѣ чтобъ неслась
 Не только въ школахъ театральныхъ,
 Не только здѣсь, въ странѣ родной,
 Но за морями-бъ раздалась,
 Во всѣхъ концахъ земли чужой
 И въ городахъ береговъ намъ дальныхъ!...
 Какъ имена Тальони, Фанни,
 Пожавшихъ всюду славы дани,
 Иль лёгкихъ Черито, Карлоты —
 Кумировъ, идоловъ Европы, —
 Вездѣ, въ устахъ толпы весёлой,
 Звучало-бъ имя ой!
 Блистать желаю Вамъ не златомъ,
 Но геніальностью, талантомъ!...
 Что въ златѣ, камняхъ дорогихъ —
 Вы полны прелестей иныхъ!...
 Уборъ завидный, вѣчно новый,
 Сама пусть Слава Вамъ пошлётъ, —
 Пусть даръ ея, вѣнокъ лавровый,
 Вашъ чудный локонъ обовѣтъ!...

Желаю наконецъ я Вамъ:

Что-бъ красота, талантъ съ лѣтами не старѣли,
 Душевной доброты осталась-бы печать, —
 Что-бъ Вы, мое дитя, притомъ всегда умѣли
 И чувства чистыя отъ лживыхъ отличать!

Разсудокъ и сердце.

Могу-ль тебя я позабыть,
 Умомъ и кротостью блестящее созданье? . . .
 Развѣ я въ силахъ не любить? —
 Ахъ! Развѣ можно заглушить,
 Въ душѣ моей, весь пламень и страданье! . . .
 Разсудокъ мнѣ твердить: забудь её, забудь! —
 Едва-ль въ театрѣ есть для чувства что родное . . .
 Взаимность и любовь въ странѣ той не цвѣтутъ, —
 А сердце говоритъ опять совсѣмъ иное! . . .

Въ альбомъ М. Н. З—тъ.

Олимпа гордыми богами
 Завидный данъ мнѣ былъ удѣлъ: —
 Хотя и слабыми стихами,
 Но Васъ — я первый пѣлъ! . . .

Старыя грезы.

Съ тѣхъ поръ прошло ужъ много лѣтъ . . .
 Отъ пылкихъ дней простылъ и слѣдъ! —
 Меня ужъ льстятъ другіе виды . . .
 Заботъ, печалей цѣлый рой! . . .
 Фей юныхъ не плѣняетъ строй —
 Забыты милыя Сильфиды! . . .
 Скрученный жизнью, въ даль глядя,
 Я философъ сталъ не шутя!

А всё-жъ порой: —
 Мнѣ грезятся сады Армиды
 И снится милое дитя!

Къ портрету М. Н. З—тъ.

Кто видѣлъ твой портретъ, тотъ былъ обворожёнъ,
 А кто узналъ тебя — навѣрное влюблёнъ!

ПРИЗНАНІЕ.

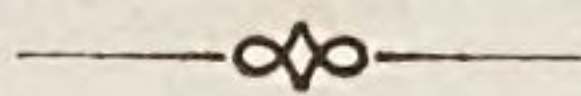
Давно, давно . . . Ужъ много лѣтъ! —
 Одно всё чувство мной владѣть:
 При Васъ мнѣ миль и дорогъ свѣтъ,
 Безъ Васъ — всё будто леденѣтъ! . . .
 Не отразимъ взоръ Вашихъ глазъ,
 Отраденъ голосъ Вашъ прелестный . . .
 Ахъ! Всѣ-бы я смотрѣлъ на Васъ,
 На Васъ — Духъ кротости небесный,
 Однимъ-бы воздухомъ дышалъ,
 И всѣ-бы Васъ я только слушалъ!

У Т Р О.

Какое утро! . . . Небо ясно,
 Природу солнышко живить! —
 И Альпы гордыя прекрасны,
 И дивно озеро блестить! . . .
 Всѣ здѣсь кругомъ благоухаетъ,
 Прелестны розановъ кусты,
 Очаровательны цвѣты —
 И голосъ милый слухъ ласкаетъ! . . .
 Здѣсь вѣтеръ бурный не шумить,
 Всѣ въ тишинѣ какъ будто тонетъ . . .
 Зачѣмъ-же сердце мое стонетъ,
 Тоскуетъ, ноетъ и болитъ? . . .

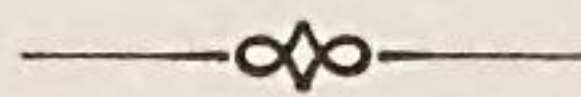
ВЛЕЧЕНІЕ.

Ужъ снѣгъ съ полей сошѣлъ, дубравы зеленѣютъ,
 Всѣ оживляется дыханіемъ весны, —
 И снова прежнія мечты душой владѣютъ,
 И снова грезятся знакомые мнѣ сны! . . .
 Прелестный образъ твой опять передо мною,
 Какъ будто въ юные, безоблачные дни, —
 И манить онъ меня, волшебною рукою,
 Въ края волшебные свои!

Прошлые дни.

Жъ волнамъ тревогъ, тоски и горя
 Я сталъ какъ будто привыкать,
 Меня потокъ людскаго моря
 Ужъ начинаетъ увлекать . . .
 Но прошлыхъ дней воспоминанья
 Со мной остались навсегда! —
 Всѣ тѣ-жъ онѣ, всѣ тѣ-жъ мечтанья,
 И не разлучны никогда!

Гдѣ она?

Скажи мнѣ сердце: гдѣ она?
Гдѣ къ ней тропа проложена? —
Куда спѣшить, куда летѣть,
Скажи: куда, куда смотрѣть? . . .
Гдѣ выются локоны златые,
Кого жгутъ очи голубые?
Скажи: какъ отыскать
Обитель Ангела земнаго? —
Всѣ, всѣ готовъ отдать
За разгадательное слово!

Часъ разсудка.

Прошли мечты и увлеченья,
Насталъ разсудка хладный часъ . . .
Но ты со мной! . . . Воображенье
Тебя рисуетъ мнѣ . . . Твой гласъ
Мнѣ слышится въ моемъ уединеньи!

ГАТЧИНА.

Скажи мнѣ, Гатчина, зачѣмъ ты такъ прекрасна —
Теперь, когда пора дождлива и ненастна,
Когда и соловей въ дубравахъ не поётъ,
И жёлтый свой листокъ угрюма осень шлётъ? . . .

Зачѣмъ твой садъ теперь плѣнительно-отраденъ?
Всё приодѣлось въ нёмъ, какъ будто на парадъ! . . .
Кристалльныхъ водъ каскадъ живительно-прохладенъ —
И тысячи цвѣтовъ льютъ блескъ и ароматъ! . . .

Зачѣмъ и люди здѣсь забыли будто горе? —
Ихъ пѣснь весёлая несётся далеко . . .
Тоска и грусть имъ незнакомы болѣ, —
Скажи: зачѣмъ здѣсь дышется легко? . . .

ТОСКА.

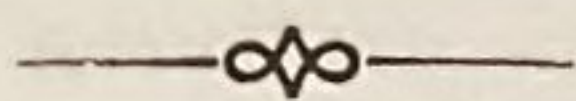
Проходятъ дни обычною чредой . . .
Увы! За ними въ слѣдъ мечты мои несутся! —
Терзанія любви со мной лишь остаются,
И грудь несчастнаго всё полнится тоской! . . .

ЦВѢТОКЪ.

(М. Н. З—ть.)

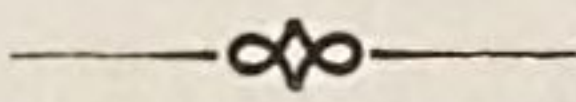
Среди садовъ, полей раздольныхъ,
Прелестныхъ розъ гдѣ свѣжъ листокъ,
Сладка гдѣ пѣсня птицъ привольныхъ,
Росъ восхитительный цвѣтокъ! . . .
Всѣ отъ души имъ любовались,
Всѣ, даже гордые цвѣты,
Предъ нимъ невольно преклонялись —
И младъ и старъ въ него влюблялись,
Забывъ мірскія суэты! . . .
Бывало солнышко проглянетъ,
Своимъ лучемъ лугъ освѣтитъ, —
И хоръ хвалебный цвѣтку грянетъ,
И всѣхъ собой цвѣтокъ плѣнитъ! . . .
Какъ часто сердцу людъ послушный
Рвался въ завѣтный садъ шагнуть! —
И я туда-жъ, равнодушный,
Чтобъ только на цвѣтокъ взглянуть! . . .
Но вдругъ явился витязь страстный,
Цвѣтокъ случайно увидалъ,
Объялъ его восторгъ опасный —
Огнемъ любви онъ запылалъ! . . .
Ему себя цвѣточекъ милый
Сорвать позволилъ, увезти —

Влекло цвѣточка тайной силой
Подъ кровомъ терема цвѣсти! . . .
И вотъ онъ занятъ новымъ дѣломъ,
Какъ чудный перлъ въ семьѣ блестить, —
А въ цвѣтникѣ, осиротѣломъ,
Никто цвѣтка не замѣнитъ! . . .

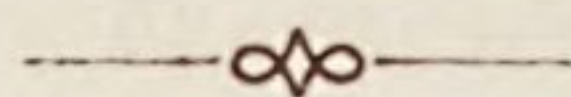
Неразлучный спутникъ.

И лѣтомъ и зимою
И гдѣ-бы ни былъ я —
Одною всё мечтою
Полна душа моя! . . .
Теперь вотъ предъ садами
Сажу здѣсь у окна,
А всё передъ глазами:
Она — она одна!

Неполное счастье.

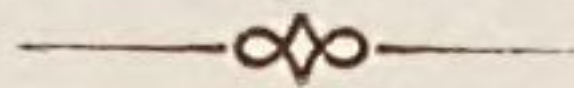
Здѣсь всё такъ мило и прелестно,
Обворожительно, чудесно! . . .
Здѣсь райскій строй —
Здѣсь рай земной! . . .
Мнѣ здѣсь такъ дышется привольно, —
А всё какъ будто недовольно!

СѢТОВАНИЕ.

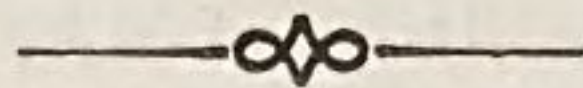
Едва повѣяло весною,
Я ожилъ сердцемъ и душой, —
Какъ снова осень предо мною
И бури снова надъ главою!

Ахъ! Гдѣ вы, гдѣ — минуты счастья?
Гдѣ дружбы искренній привѣтъ?
И гдѣ любовь? И гдѣ участие? —
Отъ васъ остался одинъ слѣдъ!

Въ альбомъ

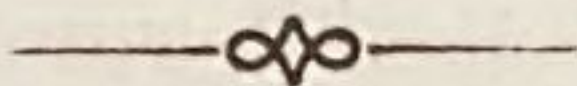
Ѣ тебѣ я снова привлечёнъ,
Альбомъ знакомый, вѣчно милый —
И вотъ, какой-то чудной силой,
Опять мечтами увлечёнъ! . . .
Но я съ поэзіей простился,
Мечтать давно ужъ отучился —
Давно на прозу обречёнъ! . . .
А Вамъ межъ тѣмъ повиноваться
Хотѣлось мнѣ отъ всей души!
Вы такъ добры и хороши —
Чему-же тутъ и удивляться? . . .
Хотѣлось оду написать,
Хотѣлось многое сказать! . . .
Однако сколько ни старался,
Ни суэтился, ни метался —
Не могъ съ пера словечка снять!
Съ волненьемъ, трепетомъ я вижу,
Что Муза милая молчитъ,
И въ то-же время будто слышу,
Что мое сердце говоритъ!

Завѣтный кошелёкъ.

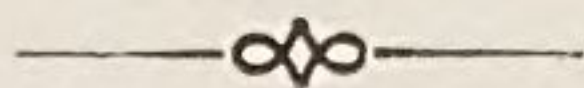
Бывало грустно, сердце ноетъ,
Я кошелёкъ мой вынималъ —
Предъ нимъ тоска, какъ въ бездну тонетъ,
Я въ мигъ всё горе забывалъ! . . .
Мнѣ становилось веселѣе,
Душа рвалась, я счастливъ былъ, —
И жизнь казалась мнѣ милѣе
И жребій мой не такъ унылъ! . . .
И сколько ласковыхъ привѣтовъ
Я слалъ вещицѣ дорогой —
И сколько страстныхъ ей обѣтовъ
Звучалъ сердечный голосъ мой! . . .
Я говорилъ, забывъ несчастье:
Люблю тебя мой кошелёкъ! . . .
Ты мнѣ даришь отраду, счастье —
Обворожителенъ твой шёлкъ!
Тебя, завѣтный, не смѣняю
На всѣ другіе кошельки,
Съ тобой охотно презираю
Всѣ златомъ полныя мѣшки!
Не разъ, не разъ тебя касалась
Земного Ангела рука —
Канва твоя имъ озарялась,
Въ ней слѣдъ блеститъ его труда! . . .

И пальчикъ мягкій, бѣлоснѣжный,
 Обвить былъ ленточкой твоей,
 Тебя взглядъ дѣвы, томно-нѣжный,
 Дарилъ улыбкою своей! . . .
 Ея дыханіемъ эфирнымъ
 Проникнуть каждый уголокъ,
 Ея стараніемъ завиднымъ
 Завязанъ каждый узелокъ! . . .
 Ты дорогъ мнѣ, ты мнѣ безцѣненъ,
 Краснорѣчивъ, мой другъ нѣмой,
 Тебѣ я вѣчно буду вѣренъ —
 Ты не расстанешся со мной!

СОМНѢНІЕ.

Лишь лучъ денницы загорится
 И градъ Петра имъ озарится,
 Ужъ я о ней давно мечтаю,
 Томлюся ревностью, страдаю! . . .
 Меня преслѣдуютъ, какъ тѣнь,
 Глаза небесно-голубые,
 Неотразимые, святыя . . .
 И такъ проходитъ цѣлый день! . . .
 Настанетъ ночь, я утомлѣнъ,
 Но сонъ бѣжитъ души унылой —
 Мнѣ вѣренъ образъ дѣвы милой!
 Уже-ли я въ неё влюблѣнъ? . . .

Напрасное утѣшеніе.

Пройдѣтъ недѣля, мѣсяць, два —
И я её совсѣмъ забуду!
Очнусь тогда, какъ ото сна,
И снова жизнь любить я буду! . . .

Твой срокъ давно уже насталь —
Прошли не мѣсяцы, а годы,
Но ты любить не пересталь —
Безумецъ! Гдѣ-жъ твои доводы? . . .
Ты тайны сердца не постигъ,
Любовь тебя сильнѣй тревожить —
И каждый часъ и каждый мигъ
Твои страданья только множить!

РЕВНОСТЬ.

Сегодня много я терзаній испыталъ . . .
Кокетки опытной Вамъ сѣти дались рано! . . .
Отъ ревности, тоски я изнывалъ,
Когда, подъ томный звукъ унылыхъ фортепьяно,
Безъ жалости, на зло всему святому,
Романсъ привѣтливый былъ пѣтъ Вами другому! . . .
Когда, въ минуты разставанья,
Вы лили ядъ по каплямъ въ душу мнѣ —
Уже-ли и тогда ни капли состраданья
Въ Васъ не было ко мнѣ?! . . .

Имянинницѣ.

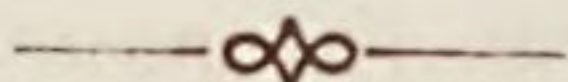
Въ веселый день — день именинъ,
 Въ день чуждый всѣхъ заботъ, кручинъ,
 Когда знакомые, родные,
 Когда подруги юныхъ лѣтъ,
 Друзья балета записные,
 Танцовщицъ нашихъ лучшій цвѣтъ,
 Всѣ именинницѣ драгой,
 Царицѣ праздника молодой,
 Желаютъ искренно и кстати,
 Веселья, всякой благодати, —
 Дозволено-ли и тому,
 Сильфиду съ Ангеломъ поздравить,
 Желать здоровье Ей поправить,
 А также счастья, свѣтлыхъ дней, —
 Кто холодеетъ не ко всѣму,
 Кто часто думаетъ о Ней!

Смущенный докторъ.

Несу тяжелое я бремя,
 Подъ нимъ главой моею поникъ! . . .
 Нашъ лучшій докторъ, это — время,
 И тотъ со мною сталъ въ тупикъ!

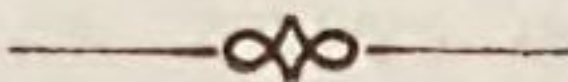
МЫСЛЕТИ.

Непонятно что со мною,
На кого похожъ я сталъ? —
Духъ веселости пропалъ,
Сердце полнится тоскою! . . .
Тщетно я перомъ вожу,
Мысль не плётъ умъ опустѣлый!
Я М (мыслети) лишь пишу —
Точно будто опьянѣлый!

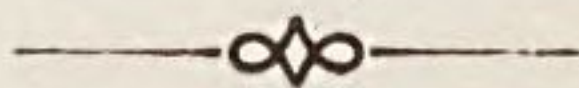
Запись въ книгу автографовъ учёныхъ Неаполитанскаго
Университета.

Какъ не воздать хвалы мнѣ благодати небесной?! . . .
Ещё мнѣ въ жизни одинъ разъ,
Дано въ удѣлъ увидѣть васъ —
Волшебные края Италіи прелестной!

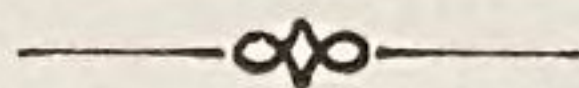
СОДЕНЬ.

Вотъ Содень! — Вотъ мой милый Содень! . . .
 Какъ часто я мечталъ о нёмъ! . . .
 Къ мечтаньямъ былъ всегда я сродень
 И къ огорченьямъ приучёнъ . . .
 Съ какимъ восторгомъ, увлеченьемъ
 Я мчался, голову сломя! —
 Съ какимъ горячимъ нетерпѣньемъ
 Я ждалъ сегодняшняго дня! . . .
 Но день насталъ — прощай надежда!
 Мнѣ Содень милый сталъ не милъ:
 Онъ сохранилъ свою одежду —
 Души своей не сохранилъ!

ЖЕРТВА.

Присутствіе мое для Васъ невыносимо . . .
 При мнѣ Вамъ дремлетъ, я не милъ сталъ Вамъ всѣмъ!...
 Утѣштесь! Я забылъ, что было мной любимо, —
 Что-бъ Васъ не огорчать ничѣмъ!

Дворъ Театральнаго Училища.

На дняхъ случилось мнѣ брести
 Мимо двора волшебнаго Гарема . . .
 Не могъ я утерпѣть въ него чтобъ не зайти! —
 И кто-бы избѣжалъ соблазна вратъ Эдема? . . .
 Предлогъ къ тому-же былъ, хоть правда изъ не новыхъ,
 Да благо изъ готовыхъ, его я не искалъ:
 Давно не видѣлъ я семейства К—хъ
 И друга К—ча давно не навѣщалъ!
 Снявъ шапку изъ почтенья,
 Привратникъ-инвалидъ, сѣдая борода,
 Поспѣшно отперъ мнѣ запретныя врата.
 И такъ, безъ трепета, безъ страха и сомнѣнья,
 И не боясь, что скажутъ: вонъ! —
 Я въ мигъ шагнулъ во дворъ завѣтнаго строенья! . . .

Картина чудная! . . . Проснись воображенье!
 Бери художникъ кисть, садись скорѣй, пиши! —
 Сюжеты озлатятъ твое произведенье, —
 Мы люди грѣшныя, отъ нихъ всѣ безъ души! —
 Смотри, передъ тобой: воздушныя Сильфиды,
 Наяды рѣзвыя, цвѣтъ юности златой,
 Олимпа божества и блескъ садовъ Армиды —
 Воспитанницъ театра полный строй! —

Въ камлотномъ платьицѣ и скромной пелеринѣ,
 Съ довольствомъ на глазахъ, съ радушіемъ въ ихъ минѣ,
 Съ манерою простой, съ надеждами во взглядахъ,
 Куда онѣ милѣй красавицъ всѣхъ въ нарядахъ! . . .

Заря комедіи, нашъ будущій талантъ,
 Краса домашняго театра или бала,
 Читау стройная, на шейкѣ лёгкій бантъ.
 Съ одною изъ подругъ преважно разсуждала . . .
 Быть можетъ тайныя мечты ей повѣряла —
 Иль просто роль свою читала! . . .
 Рѣзвуха Кошева, наивно, безъ гримасъ,
 Своею рѣчью остроумной,
 Влекла съ собою таборъ шумный
 Подругъ прелестныхъ цѣлый классъ! . . .
 Всѣхъ Геніевъ, Сильфидъ, Амуровъ и Венеръ,
 Всѣхъ Мери, Фанни, Катей, Вѣръ,
 Которыхъ встрѣтилъ я, пересѣкая дворъ,
 Назвать Вамъ не могу, судьба мнѣ не велитъ,
 Хотя ихъ личики я помню до сихъ поръ! —
 Стоя въ дали рядовъ отважныхъ волокитъ
 И не ища листовъ похвальныхъ,
 Я знаю мало театральныхъ. —
 Я знаю тѣхъ лишь изъ прелестницъ,
 Которыхъ опера, балетъ,
 Какъ лучшій цвѣтъ намъ выставляютъ . . .
 И какъ не знать этихъ волшебницъ? —
 Вѣдь, появись, къ себѣ лорнетъ
 Онѣ партера привлекаютъ,
 А ихъ искусство, ловкость, жестъ —
 Театра своды потрясаютъ! . . .
 Иль тѣхъ, которыя въ аллегри-маскарадахъ,
 Въ простыхъ, но миленькихъ нарядахъ,
 Фортунъ капризныхъ роль играютъ
 И намъ **Аллегри** вынимаютъ! . . .
 Признаться, прошлою зимою
 (Отъ Васъ я то не скрою),

Ходилъ я часто въ маскарады,
Гдѣ я порою веселился,
Знавалъ гдѣ я порой отрады
И гдѣ я чуть, чуть не влюбился! . . .

Красавицъ, преданныхъ балету:
Макаровой, Амосовой, Снѣтковой
Роскошной Радины, Суровщиковой
И прочихъ Сильфъ, извѣстныхъ свѣту,
Въ кругу блуждающихъ подругъ,
Замѣтить не пришлось —
Не всё-же видѣть вдругъ! . . .
Быть можетъ Феймъ удалось,
Наскучивъ первымъ лѣтнимъ жаромъ,
Найти пріютъ предъ самоваромъ.
Напрасно взоромъ я бродилъ,
Вокругъ и вдоль двора большого,
Чтобъ встрѣтить Генія земнаго,
Но тщетно! — Рокъ мнѣ измѣнилъ! . . .
.

Ужъ солнце къ Западу склонилось,
Зари пробилъ часъ появленья,
Раздался пастуха напѣвъ,
И дня послѣднее мгновенье,
Своимъ привѣтомъ отразилось
На окнахъ, полныхъ юныхъ дѣвъ . . .
Я покидалъ питомицъ милыхъ,
Я оставлялъ ихъ чудный кровъ,
И рой волшебницъ легкокрылыхъ,
Скрывался отъ меня ужъ вновь! . . .
Бредя дорогой, одинокій,
Я предался моимъ мечтамъ,

Въ груди тѣснѣлся вздохъ глубокій,
 Но, право, чуждый суэтамъ! . . .
 Мнѣ жалко стало Васъ, младя,
 Мои красавицы драгія! —
 Вѣдь лишь одинъ талантъ межъ Вами
 Отъ бурь житейскихъ ускользнѣтъ,
 Лелѣянъ будетъ богачами
 И лавры славы онъ пожнѣтъ! . . .

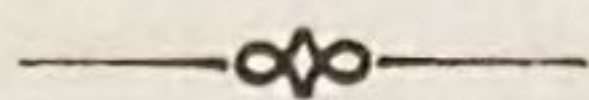
Но истинный талантъ вѣдь рѣдкость, какъ алмазъ! . . .
 И такъ, что сбудется со многими изъ Васъ,
 Теперь цвѣтущими, во всей своей веснѣ? . . .

„Съ тобой что сдѣлалось? Куда завѣлъ ты насъ? . . .
 „Не бредишь-ли ты, полно, ужъ во снѣ? . . .
 „Мы молоды, мы веселы, мы живы,
 „Не знаемъ горя, ни печали . . .
 „Взгляни на насъ, мы всѣ красивы!“

Казалось мнѣ красавицы жужжали.
 „Своими бреднями куда какъ надоѣлъ!
 „Любезный! — Знать ты устарѣлъ?“ . . .

Да, правда Ваша, сонъ я вижу,
 Я на безумнаго быть можетъ похожу . . .
 Простите, это бредъ разстроенной души, —
 Цвѣтите, милыя, отъ сердца Вамъ скажу,
 И веселитесь пока вы хороши!

И впрямь я устарѣлъ! —
 Стихи мои не гладки,
 Балетъ, весь свѣтъ мнѣ надоѣлъ, —
 Я вижу лишь вездѣ одни мои упадки!

БЕЗСОННИЦА.

Кто разъ любилъ, тотъ, вѣрьте, зналъ
Любви капризные порывы, —
Приливы ревности — отливы,
Не разъ, не разъ тотъ испыталъ!
Не разъ тому, во время ночи,
Пришлось Морѳея призывать
И до разсвѣта не смыкать
Слезами смоченные очи! . . .

Не всѣмъ, однако-жъ, удалось
Съ **Безсонницей** свести знакомство! . . .
А мнѣ, скажу безъ фанфаронства,
Жить съ нею въ дружбѣ довелось! . . .
Тому давно, въ тѣ свѣтлы годы,
Когда и радость и невзгоды
Несутся быстрою рѣкой,
Въ тотъ юный вѣкъ, вѣкъ золотой,
Когда я мчался на уроки,
Когда и день и ночь мечталъ,
Когда риѳмованныя строки
Съ такою жадностью писалъ —
Въ одинъ изъ тѣхъ дней возжеленныхъ,
Вернулся поздно я домой,
Съ моихъ уроковъ несравненныхъ —
Страхъ недовольный самъ собой! . . .
И пламень сердца и терзанья
Я утопить во снѣ мечталъ,

Но тщетно я Мороея звалъ —
 Онъ глухъ былъ къ голосу страданья!
 Я то ложился, то вставалъ,
 И только въ полночь задремалъ.
 Мнѣ чужды стали дня печали . . .
 Но не прошло пяти минутъ,
 Какъ двери, ставни застучали —
Безсонница ужъ тутъ, какъ тутъ! . . .
 Въ своемъ полуночномъ нарядѣ,
 Она съ лицомъ, покрытымъ маской,
 Какъ доминò на маскарадѣ,
 Кивала мнѣ тафтяной каской:

Не бойся, милый, это я! . . .
 Не много, правда, запоздала, —
 Что дѣлать! — Не вини меня,
 За дворника возьмись, нахала!
 Хоть обернись вась до кола,
 Онъ не отвяжется отъ лѣни! —
 Болвану море по колѣни,
 Хоть растрезвонь въ колокола! . . .
 Его засонныхъ, глуныхъ глазъ,
 Легко-ли? — Часъ вѣдь ожидала! —
 Прости-же, другъ, на первый разъ,
 Что невзначай я опоздала! . . .

Въ смятеньи, страхѣ, я привсталъ,
 Толкнулъ колдунѣ стулъ завѣтный,
 Поспѣшно бросилъ взглядъ привѣтный
 И жалкимъ голосомъ сказалъ:

Неумолимая! — Тронись! . . .
 Ты видишь, боленъ я — страдаю,

Другимъ сегодня ты займись,
 А завтра просимъ прямо къ чаю! . . .
 Боюсь тебѣ я надоѣсть —
 Возьми ты ноченьку другую! . . .
 Но вотъ мнѣ проповѣдь какую
 Она изволила прочесть:

А! такъ-то дорогихъ гостей,
 Здѣсь нынче въ домѣ, принимаютъ! . . .
 Я не люблю пустыхъ затѣй —
Безсонницу не выгоняютъ! . . .
 Кажись, прошедшею зимой
 Съ ней не было разлада,
 Когда, съ горячей головой,
 Ты прѣзжалъ изъ маскарада! . . .
 Когда бывало напѣвалъ:
 „Ея плѣнительные очи
 „Яснѣ дня, синѣ ночи!“
 Тогда ты мною не скучалъ?
 Бесѣду вѣлъ какъ должно! —
 Бывало мнѣ надокучалъ,
 Ну, да за это простить можно!
 И сколько, сколько всякой чуши,
 Мололъ, голубчикъ, внѣ себя! . . .
 Бывало вяли мои уши,
 А я всё слушала тебя! . . .
 Да и давно-ли не любимъ?
 Давно-ли болѣлъ, одичалъ? . . .

Тогда, жестокая, я былъ любимъ!
 Со вздохомъ ей я отвѣчалъ.

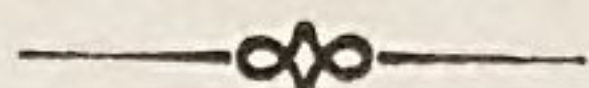
Забудь кумиръ, давно пора!
 А я — злой врагъ Морфею,

И только красный день съ двора,
Какъ я на дворъ глазю! . . .
Давно обычай мой таковъ,
Меня ни чѣмъ не сбудешь, —
И такъ, не трать напрасно словъ, —
Сегодня спать не будешь! . . .

И въ самомъ дѣлѣ я не спалъ,
Хоть сномъ владѣютъ юны лѣта, —
Я всё вздыхалъ и всё мечталъ,
Мечталъ до солнечнаго свѣта! . . .
Уже я былъ на небесахъ
(Мечты изрядной рысью гнали),
Съ святой улыбкой на устахъ,
Меня тамъ ангелы встрѣчали!
И голосъ милый уже звалъ . . .
Какъ вдругъ ужасный громъ раздался,
Вдругъ сводъ небесъ заколыхался,
И я на землю вдругъ упалъ! . . .
Очнулся . . . Кто-то предо мною . . .
Увы! Не ангелы, капраль —
Деньщикъ съ сѣдою бородою! . . .

Что, сударь, долго такъ заспались? . . .
Смотрите-ка девятый часъ! —
А вы ещё не умывались —
Въ Дворянскомъ, чай, давно ждутъ Васъ! . . .

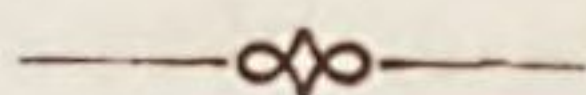
Ну, дѣлать нечего! Съ мечтами распростился,
И хоть съ больною головой,
А въ путь дороженьку пустился!
Вотъ что случается порой . . .

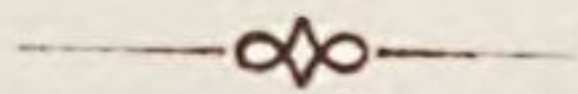
ВСТРѢЧА.

(Н. К. и М. Н. З—ть.)

Въ странѣ чужой всегда отрадно,
Порою, встрѣтить земляка —
Родное сердце намъ понятно
И рѣчь родная намъ сладка! . . .
Но встрѣтиться съ такими земляками,
Какъ Вы, на Баденскихъ горахъ —
Вѣдь это значить быть подъ небесами,
Если не въ самыхъ небесахъ!

Безсонная ночь.

Когда-то, въ юны лѣта,
Любилъ я и мечталъ —
Бывало до разсвѣта
„Безсонницу“ писалъ! . . .
На старость видно тоже
Судилъ Богъ испытать:
На что это похоже —
Ночь цѣлую не спать?! . . .

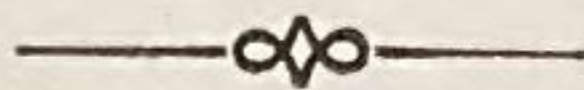
Домикъ - игрушка.

Въ одной странѣ благословенной,
Среди каштановыхъ кустовъ,
Я видѣлъ домикъ незабвенный —
Милѣй всѣхъ пышныхъ онъ дворцовъ! . . .
Имъ, какъ игрушкой, любовались,
Ему всѣ слали свой привѣтъ —
И пѣсни сладкія пѣвались! . . .
Но вотъ что изумляло свѣтъ,
О чѣмъ весь людъ болталъ и слушалъ,
Чему вся та страна дивилась:

Кто мимо домика прошёлъ,
Въ томъ сердце вѣчно уже билось! . . .

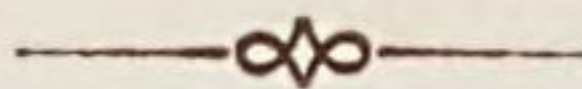
Въ * * * всѣ домикъ этотъ знали . . .

Игрушку-домикъ и я знаю,
Смотрю какъ будто на него! . . .
Я знаю также отчего —
Сердца прохожихъ трепетали! . . .

Т Р І О.

Въ Швейцаріи, въ селеніи одномъ,
Не знаю право какъ случилось,
Построенъ былъ волшебный домъ —
Предъ нимъ прохожихъ сердце билось! . . .
Но въ Ш—ѣ, тамъ другое диво:
Очаровательное Тріо! *)
Порою кто на него взглянетъ,
Того вотъ такъ къ нему и тянетъ . . .
А тотъ, кто разъ его узналъ —
Тотъ, смотришь, сердце потерялъ!

*) Такъ называли, въ одномъ семействѣ, воспитательницу съ двумя воспитанницами.

Приглашеніе.

Въ порывѣ чувства благосклонномъ,
Тріо *) хотѣло посѣтить
Меня, въ уединенъи скромномъ,
И старика развеселить
Своей гармоніею стройной,
Своей бесѣдою живой,
Своею юностью златой
И добротою непритворной! . . .
Не могъ воспользоваться я
Тогда такою благодатью:
Былъ безпорядокъ у меня
И не данъ лоскъ приличный платью.
Другое дѣло вотъ теперь,
Когда всё прибрано по штату . . .
Ахъ! Постучися **Тріо** въ дверь
И оживи мою ты хату!

*) См. вынуску на стр. 88.

При посылкѣ описанія достопримѣчатель-
ностей Казанскаго собора.

(П. В. Жу—скому.)

Привѣтъ Вашъ милый, незабвенный,
Стихъ Вашей рѣчи, задушевный,
Во мнѣ невольно пробудилъ
Остатокъ чувствъ, что я хранилъ
Тамъ, гдѣ-то въ сердце сокровенно
И, говоря Вамъ откровенно,
Который я почти забылъ, —
Какъ кустъ, заглогшій отъ ненастья,
Отъ бурь измѣнчиваго счастья,
Отъ тяжести минувшихъ лѣтъ,
И отъ другихъ подобныхъ бѣдъ! . . .
Давно, однако-же, хотѣлось
Спасибо сердца Вамъ сказать,
Отвѣтъ стихами написать, —
Да рѣшъ въ запасѣ не имѣлось! . . .
Не разъ я къ Музамъ заходилъ,
Имъ низко кланялся, просилъ . . .
Но бѣднякамъ вездѣ несчастье —
Плохой расчѣтъ имъ на участие! . . .
У Музъ одинъ всё былъ отвѣтъ,
Какъ ни толкнёшься: „Дома нѣтъ!
„Что дожидается? — Ступай!“ . . .
Вы съ ними такъ за пани-брата,
Вамъ ихъ всегда отрыта хата, —
А мы? — Въ прихожей ожидай! . . .

Не знаю, какъ-то разъ случилось,
 Богиня, видно, торопилась,
 Забыла памятный листокъ
 (А можетъ — носовой платокъ)
 И мигомъ въ теремъ воротилась . . .
 А я въ подъѣздѣ! Тутъ какъ тутъ! . . .
 Услышавъ что её зовутъ,
 Съ улыбкой голову склонила
 И взоромъ чуднымъ наградила! . . .
 Сударыня! Ей говорю,
 Не вѣдаю что-бо творю . . .
 Но пощадите, пощадите! . . .
 Подъ покровительство возьмите,
 Меня несчастнаго къ себѣ —
 Иначе быть большой бѣдѣ! . . .

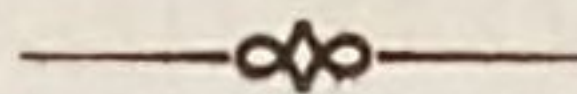
„А? Что такое? . . . Знаю, знаю:
 „Тебѣ Жу . . . скій-Генераль
 „Хвалебну оду написалъ . . .
 „Талантъ его я уважаю, —
 „Онъ Музамъ по сердцу порой . . .
 „Не рѣдко мы его, съ сестрой,
 „Цѣлуемъ страстно, обнимаемъ,
 „Лелѣемъ, холимъ, обожаемъ . . .
 „А ты для насъ совсѣмъ чужой!“

Я, Милость, то-же Генераль!
 Со вздохомъ Ей я отвѣчалъ.

„Да только, другъ, не на Парнасѣ!
 „Гдѣ ты не больше какъ капраль,
 „Въ войскахъ, оставленныхъ въ запасѣ! . . .

„Тебѣ-ли Музами владѣть
 „И пѣсни сладкія ихъ пѣть?! . . .
 „Тебѣ съ кристаллами сидѣть,
 „Подъ виноградною тамъ лозой, —
 „А поэтическимъ мечтамъ
 „И гармоническимъ стихамъ —
 „Отвѣтъ писать смиренной прозой!“

Разочарованный угрозой,
 Съ разбитымъ сердцемъ, чуть живой,
 Больнымъ вернулся я домой! . . .
 Передо мной уже лежали
 Листы завѣтныхъ Вашихъ строфъ —
 Они всю душу выражали
 Пѣвца плѣнительныхъ стиховъ!
 И отъ восторга сердце билось,
 Я порывался то-же пѣть . . .
 Но Муза гордая дичилась,
 Не могъ Её я одолѣть! . . .
 Рѣшилъ: — Богинѣ поклониться,
 Васъ безъ затѣй благодарить,
 Съ поэзіею распрощаться —
 Тетрадкой прозы угостить!

Поздравленіе.

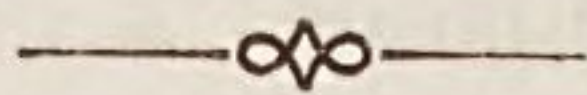
(П. Е. Ме—ръ.)

Жена не любитъ ослушанья —
Вотъ доля горькая моя! . . .
Мои, глаголить, приказанья
Должны быть заповѣдь твоя! . . .
Къ тому-жъ она порой зубаста,
Прикажетъ что — и баста! . . .
Мужъ знай лишь только исполняй
Своей дражайшей повелѣнья! . . .
А есть-ли время иль умѣнье,
Талантъ, здоровье и терпѣнье? —
О томъ ни, ни! — Не разсуждай!
Морозся зиму на морозѣ,
На солнцѣ жарься лѣтомъ въ зной,
На балъ дѣтямъ готовъ по розѣ,
На сердцѣ грусть — пляши и пой!
За тѣмъ, слуга покорный, вѣрный,
Взвали на плечи, мужъ почтенный,
Жены всѣ тяжкіе грѣхи . . .
За тѣмъ ещё пиши стихи, —
Хоть и плохіе, не въ томъ дѣло,
Лишь къ сроку только-бы поспѣло! . . .
Вотъ и теперь, судите сами,
Приказъ: не прозой, а стихами
Поздравить Васъ мнѣ строгій данъ . . .
Васъ! — Красоту красивыхъ дамъ!

Хоть не по силѣ мнѣ, признаться,
 Прелестнымъ оды подносить,
 Но всё-жъ не смѣлъ я отказаться —
 Жену боялся прогнѣвить! . . .
 И вотъ, съ воинственной отвагой,
 Вооружился я перомъ, —
 Фехтую имъ, какъ будто шпагой,
 И бью прехрабро Вамъ челомъ! . . .

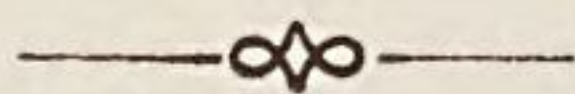
Друзьямъ сегодня Вашимъ праздникъ,
 Они всѣ шлютъ Вамъ свой привѣтъ,
 И даже мужъ Вашъ (о! проказникъ!)
 Махровыхъ розъ припасъ букетъ!
 Всѣ отъ души и съ увлеченьемъ,
 Гурьбой спѣшать къ Вамъ съ поздравленьемъ, —
 Хвалы поются всюду Вамъ! . . .
 Забывъ разумные уроки,
 И я повергъ къ Вашимъ стопамъ
 Мои риёмованныя строки! . . .
 Хоть недостойны Васъ онѣ,
 Но Вы, по добротѣ ко мнѣ,
 Ихъ удостоите вниманья —
 И скажете, мнѣ въ оправданье:
 Приказъ жены онъ исполняетъ,
 За стихъ жена и отвѣчаетъ!

Но кончить, кажется, пора . . .
 Моя семья, жена и я
 Гласимъ Вамъ громкое Ура!!! . . .

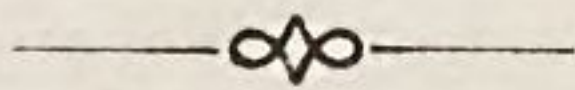
Лорнетъ.

Аѣта, слёзы, горе злое . . .
 Иль иное что . . . Кто знаетъ! ---
 Только зрѣніе мое
 Каждодневно будто таетъ! . . .
 Я купилъ себѣ глаза
 Изъ кристальнаго стекла —
 Шедель ихъ приготовляетъ.
 Хоть я франтъ и не изъ злыхъ,
 Но, кутнулъ, за мой лорнетъ
 Кинулъ много денегъ разомъ! ---
 Мнѣ данъ дружескій совѣтъ:
 На красавицъ молодыхъ
 Не смотрѣть дешевымъ глазомъ!

Приписка къ нарисованной женской головкѣ.

Безъ стиховъ уйти неловко,
 Риѣмы-жъ въ голову нейдутъ . . .
 На, вотъ женская головка —
 И поэзія вся тутъ! . . .

Леченіе минеральными водами.

Пью воды минеральныя,
 Чрезъ полчаса — стаканъ,
 Свершаю капитальныя
 Прогулки по утрамъ,
 Веду я жизнь голодную
 (Діету, вишь, держи!),
 Водю лишь холодною
 Довольствуюсь въ тиши! . . .
 А всё здоровье хмурится,
 Нѣтъ живости въ умѣ,
 И стонется и тужится —
 И тяжело на душѣ!

Причина сѣдины.

Ахъ! Свѣтъ, какъ сѣдъ! . . .
 Кажись, не много лѣтъ?! . . .
 Не много лѣтъ,
 Да много бѣдъ! . . .

Неточность въ названіяхъ.

Какъ часто, право, насъ зовутъ
 Названьемъ вовсе къ намъ нейдущимъ, —
 Ты мнѣ, шутя, сказала: плуть!
 А я проста къ, клянусь всесущимъ! . . .
 Твою младую, алу кровь
 Амуръ зажѣгъ своею грезой —
 Ты воплощенная любовь,
 А всѣ тебя зовутъ Терезой!

Не до стиховъ.

(Н. А. Пе — цу.)

До стиховъ-ли братъ, теперь?!
 Я измучился, повѣрь! —
 Умъ и чувства одурѣли,
 Отъ заботъ трещить мой лобъ, —
 Такъ меня Physique du Globe
 И записки одолѣли!

Женихъ, засѣдающій въ Совѣтѣ.

Какъ тяжело сидѣть въ Совѣтѣ,
 Когда несѣтся сердце въ даль,
 Когда совсѣмъ не то въ предметѣ,
 Что возглашаетъ секретарь, —
 Когда твое воображенье
 Рисуетъ милыя черты,
 Когда баюкаютъ мечты,
 Когда вся кровь твоя въ волненьи! . . .

Вотъ что-то Членъ одинъ совралъ,
 Другіе важно судятъ, рядятъ,
 Нашъ Предсѣдатель встанетъ, сядетъ —
 Скорѣе чортъ-бы ихъ побралъ! . . .
 Скорѣе въ путь-бы мнѣ пуститься —
 Туда, туда — Въ завѣтный край!
 Скорѣй-бы съ ними распротиться
 И прилетѣть въ подлунный рай!

Не до поэзіи.

Цвѣты поэзіи куда какъ стали рѣдки, —
 Съ тѣхъ поръ, какъ мной командуетъ жена,
 Главу мою покрыла сѣдина
 И одолѣли дѣтки! . . .

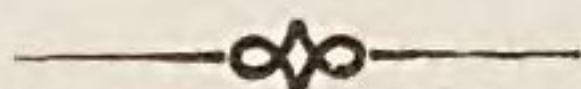
Утѣшеніе пѣвицѣ.

(И. Л. Ла—съ.)

Б—нѣ, юный франтъ,
Остался Вами недоволенъ?! . . .

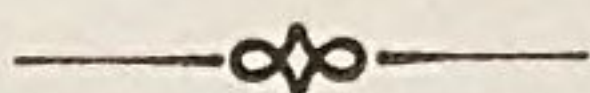
Увы! я слишкомъ, говорить, кричу! . . .

Утѣштесь! — Онѣ не воленъ,
Что геній и талантъ
Ему не по плечу! . . .

Экспромтъ.

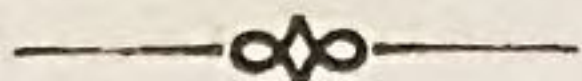
На долю выпало мою
Гнѣзда роднаго праздникъ справить —
Я душу положилъ свою,
Чтобъ въ грязь лицомъ намъ не ударить!

Экспромтъ.

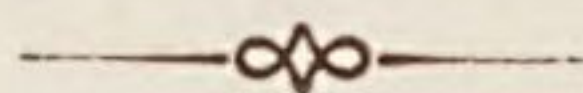
(На обѣдѣ сослуживцевъ.)

Желалъ-бы, чтобъ долго мы дружно такъ жили,
Какъ дружно сегодня мы ѣли и пили!

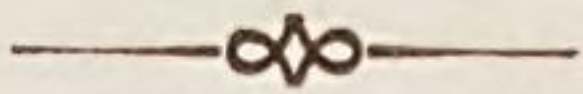
Въ минуту отчаянія.

Когда-же кончится мое здѣсь заключенье?
Когда увижу я опять завѣтный кровъ? —
Заботы и печаль когда придуть въ забвенье? —
Свободнѣе вздохну когда, скажите, вновь? . . .
Иль мнѣ здѣсь умереть назначено судьбою?! . . .

Алчному къ деньгамъ.

О чёмъ, пріятель дорогой,
О чёмъ, скажи ты мнѣ, хлопчешь? . . .
Стихами удивить насъ хочешь? —
Напрасный трудъ, любезный мой! . . .
Владѣть тотъ лирою не можетъ,
Чей взоръ къ кумиру обращёнъ,
Однимъ кто златомъ обольщенъ —
Любовь чьё сердце не тревожить!

Акростихъ.

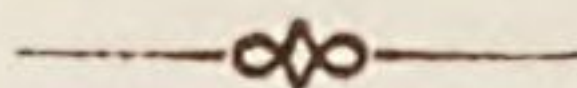
Честна и доблестна вся жизнь Его была,
Его заботы, трудъ — на мигъ не оставляли,
Высокій умъ, талантъ — какъ перлы въ Нёмъ блистали!...
Къ чѣму весь вражій шумъ и злобы знамена? —
Исторіи не куплены скрижали! . . .
Народа, Божій гласъ, въ нихъ вносить имена!

Акростихъ.

Ея кокетливый нарядъ,
Разумной рѣчи милый складъ —
Насъ и чаруютъ и плѣняютъ! . . .
Её не любятъ, обожаютъ, —
Со страстью ловятъ Ея взглядъ! . . .
Таковъ удѣлъ дѣтей избранныхъ
Изъ лонъ премудраго Творца! . . .
Не злобу имъ враговъ незванныхъ,
А всѣ несутъ свои сердца!

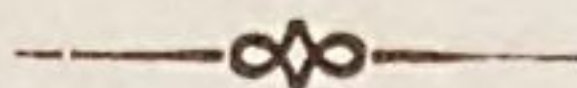
Акростихъ.

Богъ страсти, богъ любви,
 Амуръ ей положилъ печать свою на щёчки,
 Разлилъ свой огнь въ молодой ея крови, —
 Алмазамъ онъ обрёкъ и станъ Ея и ручки! . . .
 Надежда, страсть, любовь горять въ Ея очахъ,
 О! Какъ въ Ней стройно всё, плѣнительно и живо! . . .
 Возможно-ль не найти утѣхъ въ Ея рѣчахъ? . . .
 А что за ножка . . . Просто диво!

Акростихъ.

Извольте, Вы того желали,
 Готовтесь акростихъ терзать! . . .
 Но можно-ль смертному, въ печали,
 Артистки образъ начертать? —
 Той, чей привѣтъ есть: „Ангелъ, душка!“
 Развѣ такой портретъ игрушка? . . .
 Её-жъ нельзя не обожать, —
 Влюблённымъ быть и не страдать . . .
 Ахъ! Какъ и Ангеломъ Её не называть! . . .

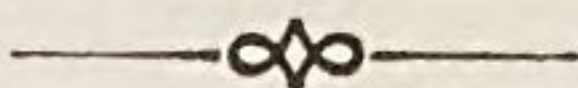

СОСѢДУ.

(В. И. Ме—ру.)

Ещё вчера хотѣлось мнѣ Сосѣда
 За поэтическій благодарить привѣтъ,
 Но за полночь зашла гостей моихъ бесѣда
 И къ сроку не поспѣлъ сердечный мой отвѣтъ . . .
 Сегодня та-жъ напасть: дамъ многихъ именины
 Заставили меня во всѣ концы скакать, —
 Въ день столь торжественный, Святой Екатерины,
 Съ днёмъ Ангела красавицъ поздравлять! . . .
 И вотъ только теперь, въ часъ съ половиной ночи,
 Мнѣ удалося минутку улучить! —
 Хотя и слипаются отъ сна усталы очи,
 Риёмованной строкой спѣшу Васъ угостить! . . .

Примите-же, Сосѣдъ, мое благодаренье
 За доброту, вниманіе и честь,
 За поэтическое Ваше поздравленье
 И о семействѣ добру вѣсть! . . .
 Желаю отъ души, чтобы опять здоровьемъ
 Цвѣло у Васъ, въ разсадникѣ красотъ,
 Дышалось счастьемъ и привольемъ, —
 И злато сыпалось съ нагорныхъ къ Вамъ высотъ!

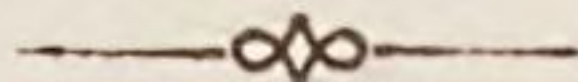

ПИСЬМО.

(К. Н. Ба—вой.)

Вы дали слово посѣтить
Мой уголокъ уединенный, —
И вотъ слуга Вашъ, неизмѣнный,
Готовъ ужъ рѣмой угостить! . . .

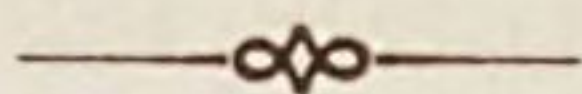
Я жду Васъ, милая Сильфида,
Сегодня ровно въ 6 часовъ, —
Не измѣняйте-жъ Вашихъ словъ,
Садовъ заманчивыхъ Армида!
Ахъ! Знаю, жертва велика,
Послѣ столицы степи скучны! . . .
Но будьте разъ великодушны —
Утѣште душу бѣдняка! . . .
Что дѣлать, хижина скромна,
Мрачна, уныла, какъ самъ житель, —
Печаль на долю ей дана
И не для Фей она обитель! . . .
Въ ней нѣтъ обоевъ разноцвѣтныхъ,
Нѣтъ въ ней ни злата, ни серебра —
Васъ встрѣтятъ кины книгъ завѣтныхъ,
Да чувствъ сердечныхъ слова два!

Въ альбомъ Княгинѣ Ба—нѣ.

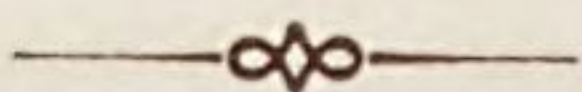
На дняхъ я видѣлъ чудный сонъ:
Мнѣ снилось будто изъ людскаго
Волненья, шума городского —
Я былъ въ Эдемъ перенесёнъ! . . .
Тамъ будто встрѣтилъ Васъ, Княгиня,
Всю Вашу добрую семью, —
И ожила души пустыня,
И радъ я былъ златому дню! . . .
Всѣ веселились, Вы шутили,
Блестѣлъ въ бесѣдѣ умъ Вашъ пылкій, —
Какъ вдругъ, съ привѣтливой улыбкой,
Стиховъ, хоть слабыхъ, Вамъ въ альбомъ,
Вы написать мнѣ поручили! —
Не чуденъ-ли, скажите, сонъ? . . .
Но пѣть всѣ Ваши совершенства,
Увы! Талантъ мой слишкомъ малъ!
Мнѣ это не дано блаженство —
Плохой-бы вышелъ мадригалъ!
Красы живыхъ оригиналовъ
Не суждено изображать
И корифеямъ модныхъ баловъ, —
Такъ можетъ-ли о томъ мечтать
Поклонникъ мертвыхъ минераловъ?! . . .
Да и стихи писать ему
Смѣшно и странно, можетъ статья . . .

Но вы желали! . . . А кому
 Не сладко Вамъ повиноваться? . . .
 И такъ, безъ правилъ стихотворства,
 Въ стихахъ небрежныхъ, безъ затѣй,
 Я, въ память нашего зкакомства,
 Желаю Вамъ тьму свѣтлыхъ дней!

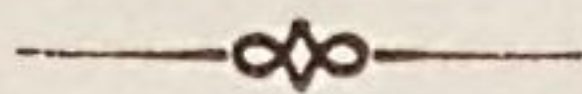
Вліяніе души.

Душа поётъ, — и не прогонишь,
 И мысль и риѹму со двора! . . .
 Душа молчитъ, — ихъ не заманишь,
 И стихъ нейдѣтъ изъ подъ пера!

Сужденіе о портретѣ.

Сужденье стараго Вамъ нужно Генерала? —
 Извольте: Вашъ портретъ хорошъ,
 Не дурно освѣщенъ и даже схожъ, —
 Но прелести въ нёмъ нѣтъ оригинала!

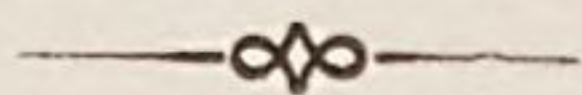

Въ альбомъ артисткѣ-кокеткѣ.

Хоть Вашъ альбомъ, не какъ другіе,
Мнѣ лихорадкой не грозитъ,
Хоть онъ меня не мало льститъ
И я въ него стихи плохіе
Вношу нетрепетной рукой,
Но, признаюсь, меня тревожитъ
Мысль: недовольнымъ быть собой! . . .
Мое перо едва-ли можетъ,
Къ числу поэмъ и серенадъ,
Къ числу несмѣтныхъ мадригаловъ
(Хоть я душою былъ радъ,
Искатель чудныхъ минераловъ)
Кой что замѣтное прижать, —
Мнѣ остаётся-ль что сказать?! . . .
Что Вы талантъ и что поются
Отвсюду всѣми Вамъ хвалы,
Что Вамъ Фортуной всѣ дары
Рукою щедрою даются,
Что сами Вы, какъ майскій день,
Что Ваши кудри рассыпныя,
На розы щёкъ бросая тѣнь,
Намъ вѣютъ сладострастну лѣнь,
Другимъ — восторги шлютъ нѣмые! . . .
Что жизнь Вамъ — сладкая мечта,
Что Ваши алые уста,
Улыбкой, перлы раскрываютъ,
Что они красятъ, оживляютъ

Черты привѣтнаго лица,
 Что искры черныхъ Вашихъ глазъ
 Сжигаютъ слабыя сердца,
 Что всюду обожаютъ Васъ,
 Что молодость о Васъ вздыхаетъ,
 Что старость — чуть не умираетъ,
 Что счастливъ юный Ке—ръ,
 Ума лишился Ки—ръ,
 Что камни только уцѣлѣли,
 Что ихъ однихъ не слышно вздоха,
 Но что порой и имъ ужъ плохо! —
 Что Вамъ стихами надоѣли . . .
 И что о всѣхъ Вашихъ грѣхахъ
 Писать мнѣ не дано таланта —
 Ну, словомъ, что устами франта,
 Притомъ на разныхъ языкахъ,
 Сто тысячъ разъ повторено —
 Всѣ Вамъ извѣстно ужъ давно!
 Весь этотъ громоздкій товаръ
 Для Васъ, молодой, не правда-ль старъ?!
 И такъ оставивъ мадригалы,
 (Прикажете, — и минералы),
 И, пожелавъ Вамъ много лѣтъ
 Плѣнять ещё собою свѣтъ,
 Позвольте мнѣ, для окончанья
 Отмѣнно длиннаго писанья,
 Сказать: чего-бы я желалъ,
 О чёмъ такъ долго я мечталъ? . . .

Желалъ-бы я, чтобъ Вы, любя
 Своихъ поклонниковъ счастливыхъ,
 Столицы львовъ велерѣчивыхъ, —
 Порою вспомнили меня!

Отвѣтъ пріятелю, на присланное поздравленіе
съ чиномъ.

(В. В. Со—ву.)

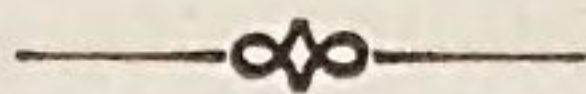
„Блаженъ кто съ молодѣ былъ молодъ!“

А. Пушкинъ.

Блаженъ и тотъ кто вѣчно молодъ,
Въ комъ пламень сердца не погасъ,
Кому порой знакомъ Парнасъ, —
Кто, не смотря на всѣ невзгоды,
Въ свои немолодые годы,
Спокоенъ, веселъ и здоровъ,
Какъ старый другъ мой Со—въ! . . .
Но вотъ бѣда, когда утраты,
Тревоги жизни, рой заботъ —
Насильно требуютъ уплаты
И морщатъ сѣдовласый лобъ! —
Тогда и генеральскій чинъ
Не въ силахъ уничтожить сплинъ!

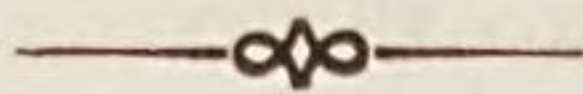
Таковъ теперь:

Твой спутникъ юныхъ лѣтъ,
Товарищъ шалостей и бѣдъ,
Сподвижникъ всей толпы весёлой
И обожатель !

Прилежный работникъ.

И день и ночь, съ самозабвеньемъ,
Со рвеніемъ и наслажденьемъ,
Пилить мой Коля цѣлый лѣсъ! . . .
Онъ мастеритъ ларецъ чудесный
Своей красавицѣ прелестной —
Мечтами выросъ до небесъ! . . .
Ахъ! Этотъ пламень, увлеченье —
Любви счастливыя мгновенья,
Напоминаютъ живо мнѣ
Минувшія златыя лѣта, —
Когда бывало до разсвѣта,
И на яву и въ сладкомъ снѣ,
Мечтанья были всё однѣ! —
Когда душа всё къ той стремилась,
Къ кому такъ сердце страстно билось!

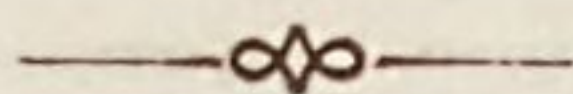

Отрывокъ изъ письма къ А. Н. Та—ну, по окончаніи
празднованія столѣтняго юбилея Горнаго Института.

Повѣрьте, всё произошло
Не отъ утраты чувствъ сердечныхъ . . .
Среди заботъ по службѣ вѣчныхъ,
Не знаю самъ, какъ время шло! . . .
Купаясь нынѣ въ бурномъ морѣ,
Бесѣду съ Вами повести,
Вамъ благодарность принести —
Мнѣ трудно было на просторѣ! . . .
А между тѣмъ душа рвалась
Въ объятья къ Вамъ, въ заводъ Локтѣвскій,
И, забывая градъ Петровскій,
Къ Вамъ съ увлеченіемъ неслась! . . .
Тамъ, среди горъ, въ уединеніи,
И на седьмомъ десяткѣ лѣтъ,
Вы сохранили жизни цвѣтъ,
Сердечный жаръ и увлеченье! . . .

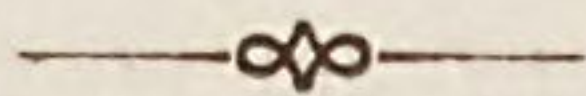
На языкѣ боговъ, Вамъ миломъ,
Хотѣлось-бы благодарить
Васъ за письмо . . . Но какъ тутъ быть? —
Языкѣ боговъ мнѣ не по силамъ! . . .
Вы Грибоѣдовскимъ перомъ
Въ Сибири гдѣ-то завладѣли! . . .
Блестящимъ, пламеннымъ стихомъ
Всѣхъ за живое Вы задѣли! . . .

И нашъ старикъ столѣтній вдругъ,
Услышавъ гласъ Вашъ, встрепенулся! . . .
Онъ доказалъ тѣмъ, что не глухъ —
Вамъ Онъ привѣтно улыбнулся! . . .
И громкимъ залпомъ раздалось
Ура! Въ честь горнаго поэта,
И Ваше имя пронеслось
Изъ устъ въ уста большаго свѣта! . . .
И Невски волны разносили
Всё дальше вѣсть о пѣснѣ Вашей,
А мы-же, горные, — всё пили
Здоровье Ваше полной чашей!

Въ глуши зимою.

Тлотнулъ снѣжка, попробовалъ мороза,
Кругомъ пустыня, всюду проза! . . .
Ахъ! Если-бъ не священный пламень,
Послѣдній отблескъ юныхъ грёзъ,
Я непремѣнно-бы замёрзъ —
Иль превратился въ камень!

Отвѣтъ на тёплое письмо.

(А. Г. Я—би.)

Вдали отъ странъ, гдѣ миръ и счастье
Себѣ добыли уголокъ,
Въ хоромахъ пышныхъ, въ дни ненастья,
Куда какъ кстати камелёкъ! . . .
Такъ и привѣтъ твой, голосъ сердца,
Куда какъ кстати посѣтилъ
Меня, поэта-суэверца! —
Семью согрѣлъ онъ, ободрилъ!

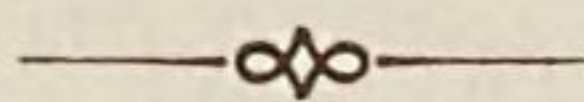
Прими-жъ мои благодаренья,
Посильну дань души моей,
И пожелай мнѣ поскорѣй —
Избавиться отъ золь, мученья!
И какъ того не пожелать? —
Здѣсь вѣтеръ хладный вѣчно воетъ,
Здѣсь злоба, козни, сердце ноетъ,
И простаку мѣшаютъ спать!

З И М А.

(При посылкѣ картинки, изображающей зиму и русскую тройку.

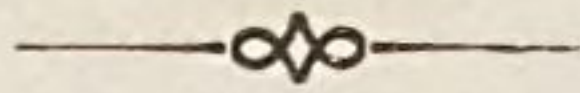
Зима . . . Повсюду снѣгъ и холодъ . . .
Ай, да хваленая страна!
Спасибо, что ещё я молодъ,
А то вѣдь просто-бы бѣда! . . .
Дрожжа отъ стужи, такъ болтаетъ
Поджарый, хилый басурманъ,
А Русскій на усъ свой мотаетъ
И мыслить: бредни и обманъ! . . .
Что можетъ быть милѣе сердцу
Снѣжка и саннаго пути?! . . .
То не по праву иноверцу,
А Руссаку? — Лишь знай кути! . . .
Берётъ онъ розвальни большія,
Лихая тройка впряжена,
Красавица усажена,
Мечты баюкаютъ златыя! . . .
Вотъ на дорогѣ къ „Кабачку“,
Что „Краснымъ“ прежде называли,
Дымится трубка табачку —
Забыты горе и печали! . . .
„Соколики!!!“ . . . Ямщикъ кричитъ,
„Потѣшу я господъ удалыхъ!“ . . .
Несутся кони, снѣгъ хруститъ
И сладокъ поцѣлуй устъ алыхъ! . . .

Приѣхали — *soupe* готовъ,
 А тамъ — Амуръ разставилъ сѣти . . .
 Но вамъ покажетъ, лучше словъ,
 Картинка, какъ проказятъ дѣти!

Тётенька.

Пусть Климъ о Лидіи мечтаетъ,
 Мишель отъ Фанни умираетъ,
 Нашъ Оеда Мери прославляетъ,
 Пусть вѣроломная Любовь
 Волнуетъ Виктора всю кровь,
 Пусть любить Поль Катишь свою,
 Но я, другъ, тётеньку пою! . . .
 Въ ней что-то ангельское есть —
 При ней душѣ моей теплѣ
 И сердцу будто веселѣ! . . .
 Бесѣду съ ней отрадно вести
 Пустыннику островской лужи —
 Оцѣпенѣлому отъ стужи
 Пріятно къ огоньку присѣсть! . . .

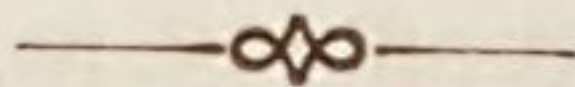

Непогода.

Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ злится,
Дождикъ льётъ, какъ изъ ведра, —
Удалая тройка мчится,
Но не близко до села!

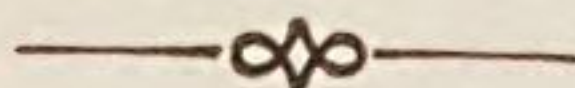
Колокольчикъ заунывно
Вторитъ пѣснѣ ямщика, —
Путникъ смотритъ въ даль кручинно,
Погоняя земляка!

Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ злится,
Небо скрыли облака, —
Путникъ бури не боится,
Мысль отъ бури далека!

Порывъ.

Скорѣй въ Италію, скорѣй! . . .
Мнѣ не страшны пути невзгоды,
Волкана пепель, непогоды,
И волны бурныя морей! . . .
Я изнемогъ отъ тяжелой боли,
Душа и сердце просятъ воли —
Скорѣй въ Италію, скорѣй!

Начало лекцій послѣ каникулъ.

Пришлось намъ, кажется, проститься съ краснымъ лѣтомъ!
Погода хмурится, поблѣкшій листь летить,
Дубравы и поля покрылись жёлтымъ цвѣтомъ
И ласточекъ семья ужъ за море спѣшить! . . .
Осенне солнышко кой гдѣ порой проглянетъ,
Какъ рѣдкій гость, изъ тучи облаковъ,
Отъ холода, дождя всё мёрзнетъ, гибнетъ, вянетъ —
Помина больше нѣтъ о роскоши цвѣтовъ! . . .
И я, разставшійся съ каникулярной свободой,
Съ тетрадкою въ рукѣ, съ цыгаркою во рту,
Пронизанный насквозь осенней непогодой,
На лекцію въ Лѣсной, какъ ласточка, спѣшу . . .
Тамъ проповѣдь мою давно желаютъ слушать! . . .
Ахъ! Право, не легко по грязи въ дрожкахъ плыть! . . .

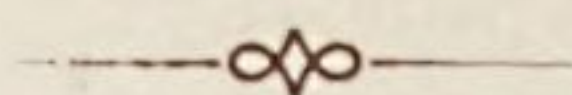
Но какъ-же быть? —

Семейка хочетъ кушать! . . .

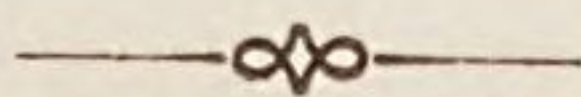
При отъѣздѣ изъ Кёнигсберга.

Толпа волнуется, хлопочетъ,
Вагоны приступомъ берутъ,
Всѣ роковой минуты ждуть,
Всякъ помѣститься лучше хочетъ! . . .
Но шумъ умолкъ . . . Обычный звонъ
Тремя ударами раздался,
Я съ Кёнигсбергомъ распрощался —
Надеждой, радостію полнъ.
Близки, близки берега родные! —
Тамъ ждуть теперь меня: семья,
Душѣ предметы дорогіе
И сердцу милые друзья!

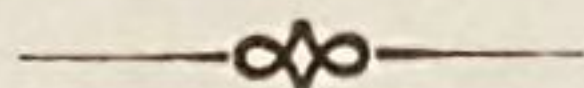
Возвращеніе на родину.

Вотъ наша Русская граница —
Преддверье родины моей,
Вотъ и Петровская столица —
Челомъ быю низко передъ ней! . . .
Не дурно, право, намъ живётся
Въ Россіи нашей дорогой —
Невольно сердце мое бьётся,
Ну, такъ и хочется домой!

На пути къ родинѣ.

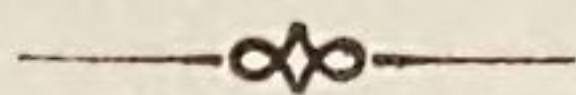
Всюду снѣгъ и холодъ,
Знать зима вездѣ! . . .
Хилъ я и не молодъ —
Грустно на душѣ! . . .
Далеко родныя,
Милыя поля! —
Всѣ кругомъ чужіе
Сѣла, города! . . .
Ахъ! Скорѣй-бы къ дому
Паровозъ привѣзъ,
Къ очагу родному
Богъ меня принёсъ!
Тамъ заботъ хоть море, —
Какъ безъ нихъ намъ жить?
Всѣ-же есть съ кѣмъ горе
Мнѣ тамъ раздѣлить!

И. И. Св—ву, въ день пятидесятилѣтняго Юбилея его
службы, $\frac{1}{2}$ $\frac{0}{2}$ Марта 1871 года.

Въ день торжества полвѣковаго,
Въ часъ сбора всѣхъ твоихъ друзей,
Я, полный чувства неземнаго,
Летѣлъ стремглавъ къ семьѣ твоей!
Передо мною развивалась
Картина жизни мудреца,
Въ ней, какъ въ кристаллѣ, отражалась
Вся личность скромнаго пѣвца
Высокой правды и свободы,
Наукъ, искусства и природы —
Душа моя тобой плѣнялась! . . .
Во мнѣ невольно пробудились
Всѣ грезы прежнихъ пылкихъ лѣтъ —
Мечты и юношескій бредъ
Ко мнѣ, казалось, возвратились!
Я былъ готовъ уже писать
Посланье времени былова —
Стихами слухъ твой растерзать,
Но вспомнилъ дѣдушку Крылова!
Вѣдь суждено лишь соловьямъ
Достойно пѣть свѣтила свѣта,
А намъ, бѣдняжкамъ воробьямъ,
Чирикать лишь для полу-свѣта!

Такъ мыслилъ я, катясь въ саняхъ,
Въ жару, на сѣверномъ морозѣ! —
Такъ встрѣтилъ я тебя въ дверяхъ,
Привѣтомъ сердца, въ скромной прозѣ.
Ты недоволенъ, видно, былъ
Моею прозой, другъ маститый,
Мнѣ взоръ твой свѣтлый и открытый,
Души укоръ произносилъ! . . .
Что дѣлать! . . . Бури и тревоги
Сорвали вѣшніе цвѣты,
Умчались милыя мечты —
Мы стали сирѣ и убоги . . .
Въ насъ огонь поэзіи угасъ —
И насъ, неумолимы боги,
Ужъ не пускаютъ на Парнассъ! . . .
Но, если-бъ лира мнѣ поэта,
Хоть разъ, досталася въ удѣлъ, —
Я старца, скрытаго отъ свѣта,
Стихами-бъ громкими воспѣлъ!

Письмо къ женѣ.

Ты пишешь стихи всѣмъ и каждому,
почему-же мнѣ никогда?

(Изъ письма жены, адресо-
ваннаго въ Парижъ.)

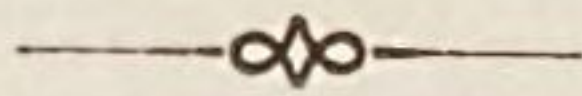
Благодарю — не ожидалъ! . . .
На старость лѣтъ пришла охота,
Чтобъ я стихи тебѣ писалъ! —
Вотъ такъ работа!!! . . .

И такъ ты мнѣ повелѣваешь:
Оправить въ риѣму сердца рѣчь,
Приправить чувство нѣжной страстью
И, женскою увлѣкшись властью,
Себя на жертву ей обрѣчь! . . .
Ты такъ, не правда-ль, разсуждаешь? . . .
Но голосъ разума, другъ, знаешь:
„Мужей за это надо сѣчь!“

Заткнувши уши, я старался
Словамъ колючимъ не внимать, —
Какъ слабый мужъ, впрочемъ, сознался,
Что я не въ силахъ отказать
Тебѣ, моей подругѣ нѣжной,
Въ стихахъ поэмы безмятежной —
И сталъ писать, писать, писать! . . .
Перо скользило по бумагѣ,
Строка гналася за строкой,
И я мечталъ уже о благѣ —
Скорѣе вмѣстѣ быть съ тобой! . . .

И вотъ, казалось, возвратилась
Ко мнѣ вся страсть прошедшихъ дней,
И сердце будто-бы забилося —
Опять любовь въ душѣ моей! . . .

Когда очнулся . . . Предо мною
Кругомъ исписанъ листъ лежалъ,
И я, поникши головою,
Невольно бредъ мой прочиталъ.
Мнѣ показался слишкомъ страстнымъ
Онъ, для посланія къ женѣ,
А потому нашёлъ опаснымъ
Его отправить въ даль, къ Невѣ! . . .
Но, если хочешь знать вѣрнѣе
Всё, что написано тебѣ,
То прѣзжай, мой другъ, скорѣе
Въ Парижъ, въ объятія ко мнѣ!
Тамъ, на берегахъ прекрасныхъ Сены,
Въ завѣтномъ уголкѣ своёмъ,
Мы перечтёмъ, сидя вдвоёмъ,
Листы причудливой поэмы! . . .

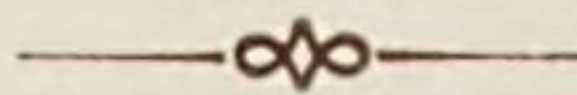

И далеко и близко.

Скучно жить въ тебѣ, столица, —
Убиваешь духотой!
Всѣ знакомыя мнѣ лица
Распростилися съ тобой.

Ты грустишь, мой другъ унылый,
Непонятно почему? . . .
Твое сердце близко къ милой —
Она здѣсь, вотъ въ томъ дому! . . .

Ахъ! Когда-бы сердце милой
Было близко къ моему! . . .

Бордо-Лафитъ.

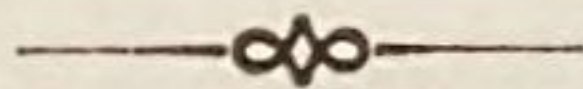
(Изъ стихотвореній фонъ-Кобелля, переводъ съ нѣмецкаго.)

Изъ принцевъ винныхъ лозъ,
Bordeaux est à la tête,
Роскошными гроздами,
Qui embellit les fêtes.

Плащъ носить пурпро-красный —
Couleur de la noblesse,
И льётъ въ кровь престарѣлыхъ
Les charmes de la jeunesse!

Къ тому-жъ онъ Чудо-Докторъ,
Un Etre comme il faut,
Зовѣтся другомъ смертныхъ —
Quel titre est plus beau! . . .

И, если-бъ былъ Царёмъ я,
Je dirais: Cher Lafitte,
На, вотъ тебѣ за службу,
L'Ordre pour le mérite!

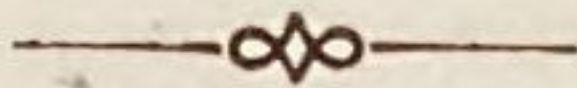

Въ альбомъ страстной любительницѣ
карточной игры.

(Е. З. Бр—нѣ.)

Альбомъ давно, давно Вашъ здѣсь! —
Къ нему меня вотъ такъ и тянетъ,
И всякій, кто на него взглянетъ,
Любовью дышетъ — Вашъ онъ весь! . . .
Сперва плѣнѣнный лишь мечтаетъ,
Какъ бы скорѣй увидѣть Васъ,
А тамъ — и плачетъ и вздыхаетъ,
И въ картахъ возглашаетъ **пассъ!**
Друзья бѣдняжку утѣшаютъ,
Ему-же, право, не до нихъ —
Предъ нимъ черты Ваши мелькаютъ,
Онъ вдохновлѣнный пишетъ стихъ!

Таковъ удѣлъ Вашъ въ этомъ свѣтѣ:
Кто разъ увидѣлъ Васъ, узналъ —
Вы у того однѣ въ предметѣ
И тотъ ужъ въ карты проигралъ!

Приглашеніе на партію въ карты.

(Е. З. Бр—нъ.)

Всё на экзаменахъ сидѣлъ
И слушалъ разныя науки,
Тайкомъ въ окошечко глядѣлъ,
Что-бъ не вздремнулося отъ скуки!

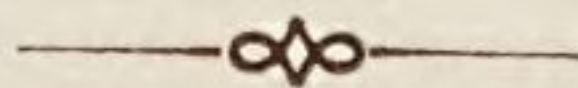
Но мнѣ строжайшій данъ приказъ:
Стихомъ Васъ вызвать на сраженіе,
Что будетъ въ Пятницу у насъ,
Для вящаго увеселенья! . . .
Смотри-жъ, сказала мнѣ жена,
Захарьевну проси нѣжнѣе,
Въ неё я просто влюблена —
Съ ней всѣмъ намъ будетъ веселѣе!
Въ стихахъ письмо ты Ей пошли,
Она поэтовъ, слышно, любитъ;
Зови её, взывай, моли —
Ну, риѣма сердце ей разбудить!

Сударыня! Ей говорю,
Теперь экзамены, мученье! . . .
Я чашу горестную пью —
Драконамъ отданъ на съѣденіе! . . .
За мной въ погонѣ лютый звѣрь,
Съ которымъ не легко возиться,
Такъ до стиховъ-ли мнѣ теперь? —
Мнѣ на Парнассъ не дотащиться! . . .

Но, кратокъ былъ жены отвѣтъ! —
Она не медля мнѣ вручила:
Перо, бумагу и конвертъ —
И за работу усадила! . . .

Ну, дѣлать нечего, перо
Стрѣлой Амура заостряю,
Кому-то ставлю имъ **зеро**,
И къ Вамъ письмо я начинаю . . .
Повѣрьте мнѣ, не такъ легко
Пѣть пѣсни сладкія здѣсь въ классахъ! —
Отъ **иксовъ** лира далѣко,
У **игриковъ** нѣтъ риѳъ въ запасахъ!
Напрасно Музу я зову,
Она рукой только махаетъ! . . .
„Къ Вамъ на экзаменъ не пойду —
„Тамъ духъ реальный обитаетъ!“
Смѣясь, она мнѣ отвѣчаетъ.

И такъ надежда вся на Васъ —
На Васъ, добрейшее созданье! . . .
Въ стихахъ сказалъ я, бѣдный, **пассъ**! —
Но Вы, стассуете-ль въ свиданьи?! . . .
Иначе быть большой бѣдѣ —
Жена моя шутить не любить . . .
Угодно было такъ судьбѣ —
Злодѣйка эта часто шутить!

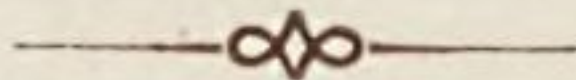

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
 ГЕРЦОГИНѢ МАРИИ МАКСИМИЛИАНОВНѢ
 БАДЕНСКОЙ.

(По случаю представленія стихотвореній.)

ВЫСОЧЕСТВА Высокій Санъ
 Не помѣшалъ плохимъ стихамъ
 Быть осчастливленными ВАМИ! —
 ВЫ, Августѣйшими Устами,
 Благоволили ихъ прочесть . . .
 Высокая, по истинѣ, имъ честь! . . .
 Съ тѣхъ поръ года прошли гурьбою,
 Весна смѣнялась много разъ,
 А я — всё жилъ моей „Весною“
 И будто слышалъ всё ВАШѢ гласъ! . . .
 Съ тѣхъ поръ какъ часто я мечтаю
 О днѣ счастливомъ для меня! —
 Себя невольно вопрошаю:
 Дождусь-ли я такого дня? . . .
 Припоминая увлеченье,
 Мой трудъ съ которымъ былъ прочтѣнъ, —
 Небесный взглядъ и выраженье,
 Какими былъ онъ освященъ, —
 Рѣшился я на шагъ опасный:
 Пустить стихи мои на свѣтъ . . .
 Грозитъ имъ бурей ужасной! —
 Одно спасенье — ВАШѢ привѣтъ! . . .

ВЫ скажете: кристаллографамъ
Не слѣдъ въ поэзію вступать,
Что суждено имъ, петрографамъ,
Сидѣть, да камни разбирать! . . .
Но, ради Музы, и учёный
Бросаетъ свой угрюмый видъ —
Намъ сладокъ всѣмъ плодъ запрещённый,
У всѣхъ вѣдь сердце говорить! . . .
И я, къ бѣдамъ подобнымъ склонный,
Мой бредъ повергъ къ ВАШИМЪ стопамъ . . .
Воймите пламеннымъ мольбамъ —
Взоръ обратите благосклонный.

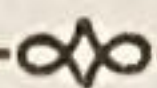

Памяти Василя Андреевича Каратыгина.

(Посвящено Александрѣ Михайловнѣ Каратыгиной.)

Намъ памятенъ онъ, несравненный, —
 Нашъ Каратыгинъ незабвенный! . . .
 То геній былъ, то былъ колоссъ,
 Какихъ не знаетъ наше время,
 При томъ родной намъ — истый Россъ,
 Безъ примѣси чужаго племя! . . .
 Въ нёмъ было всё: борьба страстей,
 Порывъ души и увлеченье,
 И сладость пламенныхъ рѣчей,
 Восторженность и вдохновенье! . . .
 Кто могъ, какъ онъ, постичь любовь —
 Изобразить души страданья?! . . .
 Бывало стыла въ жилахъ кровь,
 Иль слышались вокругъ рыданья! . . .
 Гдѣ ты Эдишъ нашъ, — нашъ Фингаль,
 Перлъ драгоцѣнный Русской сцены,
 Высокой драмы идеаль —
 Любимецъ Музъ и Мельпомены?! . . .

Махнула смерть своей косою —
 И Каратыгина не стало . . .
 Но, надъ увѣнчанной главой,
 Звѣзда безсмертья заблистала!

Воспоминаніе о В. А. Каратыгинѣ.

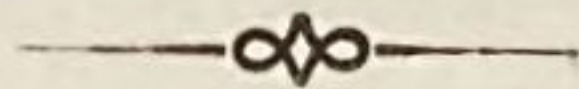
Это давно, давно ужъ нѣтъ . . .
 Года прошли своей чредою,
 А всё ещё онъ предо мною —
 Вѣнца его не меркнетъ свѣтъ! . . .
 Фингала гласъ любви къ Моинѣ,
 Какъ будто всё ещё звучитъ,
 Какъ будто слышится и нынѣ —
 Знакомый голосъ говорить:

„О, небо, доверши блаженство дней моихъ!
 „Моина, повтори всю прелесть словъ твоихъ!
 „Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
 „Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
 „Что ты довольна ей, что миль тебѣ Фингалъ!
 „Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
 „Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!“

Кого тогда не увлекалъ
 Нашъ трагикъ этими стихами?! . . .
 Онъ ихъ глубоко постигалъ,
 Онъ намъ ихъ дивно выражалъ
 Душѣ понятными словами!
 Рукоплесканій нёсся громъ
 Во слѣдъ любимому актёру, —
 Театръ былъ полнъ, набитъ-биткомъ,
 Неполнаго тогда не знали сбору!

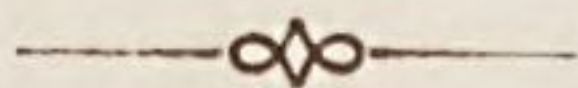
Вотъ Гамлетъ, Людовикъ тиранъ,
Вотъ Кинъ — кутило геніальный,
Игрокъ, Ермакъ, Коріоланъ,
И старецъ Лиръ — многострадаальный, —
Донской, Карлъ Моръ, Пожарскій, Фрицъ,
Эдиъ, Орестъ, Отелло дикій . . .
Всю вереницу этихъ лицъ
Намъ воскрешалъ актёръ великій! . . .

И всё прошло — его ужъ нѣтъ! . . .
А съ нимъ — имъ созданные лики
Покинули на долго свѣтъ! —
Толпы народной смолкли клики . . .

Въ альбомъ А. М. Ка—гиной.

Всевышняго Рука Тебя благословила —
Ты сцены красота и геній и талантъ!
Фортуна розами Твой длинный путь покрыла —
И Славой озарёнъ твой жизненный закатъ! . . .
Взирая на Тебя, я мыслію невольно
Переношусь къ счастливымъ, свѣтлымъ днямъ!
Душѣ становится легко такъ и привольно —
Съ любовью предаюсь я сладостнымъ мечтамъ!
Встаютъ передо мной чарующіе лики
Моины, Ксеніи, Луизы и другихъ,
И будто слышатся восторженные клики,
Собравшихся въ театръ, товарищей моихъ! . . .
Мнѣ время юности на мысль тогда приходитъ,
Хотя уже прошло съ тѣхъ поръ полсотни лѣтъ!
И всё ещё Твой гласъ меня въ восторгъ приводитъ —
Я въ упоеніи, хотя уже и сѣдъ!
Кто можетъ потушить ту искру въ сердцѣ нашемъ,
Которая огнёмъ священнымъ зажжена? . . .
Ей вихрь бушующихъ бурь свѣта не опасенъ —
Мечтой завѣтною она защищена! . . .

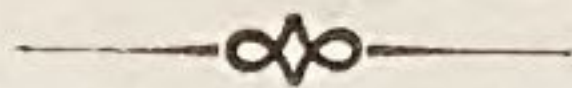

При посылкѣ стихотворенія.

(Е. З. Бр — нъ.)

Сегодня Пятница, Вы ждёте пѣснопѣнья,
И Вашъ альбомъ открылъ ужъ свой листокъ! . . .
Не веселится мнѣ . . . А есть-ли въ томъ сомнѣнье,
Что грусть — не Вамъ, Сударыня, цвѣтокъ!
Сегодня много я о почестяхъ и славѣ,
На долю выпавшихъ артистамъ разсуждалъ —
И, въ мудрецы попавъ, хоть не въ моемъ то правѣ,
„Падучую звѣзду“ невольно написалъ! . . .
Угодно Вамъ внести мое произведеніе
Въ альбомъ игривый Вашъ, царить гдѣ строй живой?...
Что дѣлать! — Звѣздочка придѣтъ въ недоумѣнье,
Узрѣвъ себя въ рядахъ компаніи такой! . . .
Но у людей не тоже-ли ведётся? . . .
(Зачѣмъ? — На сей вопросъ не смѣю отвѣчать! . . .)
Здѣсь горе, а тамъ смѣхъ отъ всей души несётся —
Печаль отъ радостей не любить отставать! . . .

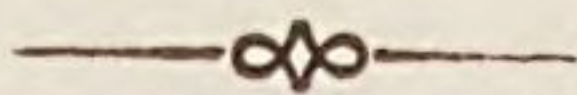
Я взглядъ Вашъ изучилъ, его мнѣ выраженіе
Открыто говорить, съ улыбкой милой, да! . . .
Лети-жъ въ альбомъ драгой, безъ страха и сомнѣнья,
Моя злосчастная падучая звѣзда!

Падучая звѣзда.

Вдругъ на небѣ появилась,
Заблестала, покатила
И ракетой разразилась
Метеорная звѣзда! . . .
Диво! Прелестъ! Восхищенье! —
Не забудемъ никогда
Столь чудеснаго явленья! —
Въ одинъ голосъ возопилъ
Старъ и младъ прегромкимъ хоромъ . . .
Взрывъ послѣднй своимъ громомъ
Всѣхъ и cadaго плѣнилъ! . . .
Всѣ въ восторгѣ, всѣ хлопочеть,
Гимнъ хвалебный каждый хочетъ
Милой звѣздочкѣ пропѣть —
Съ ней на небо улетѣть! . . .
Но лучи лишь только скрылись
Ненаглядной . . . И вездѣ
Тьма, безмолвье воцарились —
Нѣтъ помину о звѣздѣ! . . .

Ахъ! Не то же-ли бываетъ
Со звѣздами на землѣ?! . . .

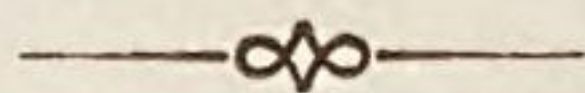

Утѣшеніе Религіи.

Родиться, жить и умереть
 Всѣмъ намъ судило Провидѣнье, —
 Но тяжелы для смертныхъ смерть,
 Могила и самозабвенье! . . .
 Не мыслить больше, охладѣть,
 Исчезнуть, въ прахѣ изотлѣть —
 Ужасное предназначенье! . . .

Такъ, въ Храмѣ, смертный разсуждалъ,
 Присутствуя на погребеньи, —
 Но вдругъ очнулся, зарыдалъ
 И рушились его сомнѣнья! . . .

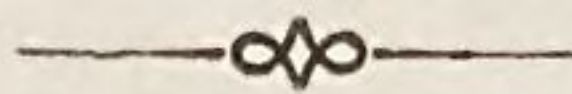
Умершимъ будетъ воскресенье —
 Намъ то Спаситель завѣщалъ! . . .

Коммунизмъ.

(Изъ фонъ-Кобелля, переводъ съ нѣмецкаго.)

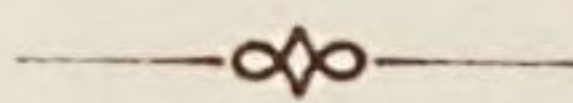
Не твое, что мое,
 Но мое, что твое.

Невинная игра.

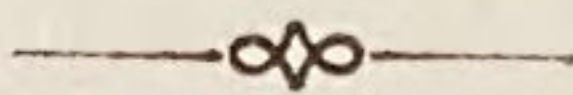
(Е. З. Бр—нъ.)

За—на дивная
 Въ комнату вошла —
 И игра невинная,
 Въ карточки пошла! . . .
 На полѣ зелёненькомъ
 Ратуетъ теперь,
 А я, въ углу скромненькомъ,
 Взялся за свирѣль . . .
 Сердце всё къ ней просится,
 Но замкнута дверь,
 Пѣть всё её хочется,
 Да не та всё трель! . . .
 Гдѣ-жъ взять лиру стройную —
 Музой овладѣть,
 Чтобъ я могъ достойную
 Пѣсенку ей спѣть?! . . .

Вездѣ грустно.

Мнѣ грустно здѣсь, мнѣ скучно тамъ —
 Душа изныла отъ страданій . . .
 Отвѣта нѣтъ моимъ мольбамъ,
 И нѣтъ надежды для желаній! . . .

ТЕЛЕФОНЪ.

(Е. З. Бр—нъ.)

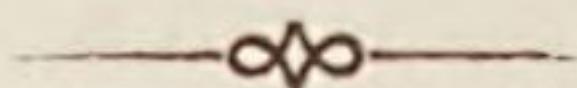
Альбомъ Вашъ здѣсь . . . Вѣдь это значитъ :
 Извольте-ка стихи писать! . . .
 По дачамъ Муза моя скачетъ,
 Не умудрюсь её поймать! . . .
 А безъ неё какое пѣнье
 И гдѣ надежда на успѣхъ?! —
 Гдѣ взять святаго вдохновенья
 И пѣсенъ сладкихъ для утѣхъ? . . .
 Послалъ къ шалунѣ телеграмму
 На Каменный (тамъ весь бонъ-тонъ).
 Она, въ отвѣтъ мнѣ, — эпиграмму,
 Да, на прибавку, телефонъ! . . .
 „Къ вамъ въ городъ ѣхать несподручно“,
 Мнѣ пишетъ Муза, въ торопяхъ,
 „Тамъ пыльно, душно, страхъ какъ скучно,
 „А здѣсь привольно мнѣ въ гостяхъ! . . .
 „Притомъ-же, право, пустяками
 „Мнѣ заниматься недосугъ! —
 „Вотъ аппаратъ, онъ съ чудесами —
 „Передаётъ мой голосъ вслухъ!“

Вчера, съ подаркомъ Музы милой,
 Я въ уголку моемъ сажу
 И мыслю: Какъ-же я машиной
 Въ альбомъ стихи Вамъ напишу?

Какъ вдругъ она мнѣ заиграла,
Ну, словно, голосомъ поётъ! —
А риѳмы — чуть не въ ротъ кладётъ! —
И стихъ такой продиктовала:

Здѣсь въ домѣ всѣ, отъ мала до велика,
Ликують, празднують желанный твой приходъ; —
Друзей твоихъ вся алчущая клика
Успѣла уже счесть свой карточный доходъ! —

А я, къ доходамъ непричастный,
Я жду тебя, злосчастный, —
Какъ птичка солнышка восходъ!

При посылкѣ нѣмецкаго стихотворенія любительницѣ картъ.

(Е. З. Бр—нѣ.)

Въ теченьи цѣлыхъ шести дней
О томъ лишь только и мечтаемъ,
Что-бъ Вамъ сказать **безкозырей!** —
И угостить потомъ Васъ чаемъ.
Какъ только Пятница близка,
Жена моя засуетится,
Заговорить вдругъ свысока —
И даже мужа не боится!
(Захарьевна, вишь, всё ей снится! . . .)
Вздыхаетъ, думаетъ о Васъ:
Придете-ль Вы иль не придете?
И скажете-ль Вы въ картахъ **пассъ**,
Иль **безкозырную** возмёте?
„Пиши, пиши стихами Ей!“
Кричитъ мнѣ, будто на пожарѣ,
„Зови на Пятницу скорѣй,
„Аркашу шли съ письмомъ на парѣ!“
Но нынѣ я не тотъ ужъ сталъ,
Какимъ бывалъ въ старинны годы, —
Слугой покорнымъ быть усталъ,
И мнѣ не страшны непогоды!
„Стиховъ не буду я писать!“
(Разъ показалъ женѣ я зубы! . . .)

„Мнѣ пропасть дѣлъ осталось сдать . . .

„Что такъ надула, душка, губы?! . . .

„Коль ты желаешь обыграть

„Свою подругу дорогую,

„Сама ей можешь написать, —

„Влеки во адъ душу святую!

„Хоть на нѣмецкомъ языкѣ —

„Знакомъ языкъ ей басурмановъ!

„Она, пошаривъ въ сундукѣ,

„Придѣтъ . . . погладить и буяновъ!“

Не нравился женѣ мой тонъ

(Она не терпитъ ослушанья!)

И гнѣва взоръ ея былъ полнъ, —

Но отмѣнила приказанье! . . .

„Спасибо“, говоритъ, „другъ мой,

„И безъ тебя мы обойдемся!

„Своею собственной рукой

„Напишемъ ей — не ошибѣмся!“

И вотъ предъ Вами листъ лежитъ

Нѣмецкаго стихотворенья . . .

Не дурно женушка строчить! —

Вы скажете: мое почтенье!! . . .

Если желаете внести

Въ альбомъ Вашъ стихъ ея небрежный,

Прошу его къ намъ привезти

На бой, сегодня неизбѣжный!

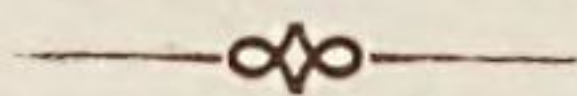

Соскучились.

(Е. З. Бр—нъ.)

Бывало лѣтомъ, въ юны годы
Я, по дорогѣ столбовой,
Летѣлъ стремглавъ къ красамъ природы, —
Иль къ дому дѣвы молодой! . . .
И на душѣ свѣтло такъ было,
Кругомъ всё розами цвѣло —
Теперь-же всё вокругъ уныло,
Знать, горе радость унесло! . . .
Златое время мнѣ, невольно,
На мысль приходитъ много разъ,
Тогда жилося такъ привольно —
Мечтой о многомъ и о Васъ! . . .
Но всё прошло и, на закатѣ,
Остался памяти лишь лучъ —
Скопилось много грозныхъ тучъ
И дѣло близится къ расплатѣ! . . .
Но Вы, сказать Вамъ въ добрый часъ, —
Вы избалованы судьбою! —
Какъ будто старость не для Васъ —
Остались вѣчно молодою! . . .
То въ Гатчину, то въ Петергофъ,
То въ Павловскъ, Новую Деревню,
На Каменный, на Дудергофъ,
Иль къ раззолоченному Кремлю —

Летаете, что твой Амуръ!
(Но тотъ имѣетъ хотя крылья),
Живёте à la Rompadour
И незнакомо Вамъ безсилъе! . . .
А мы-то здѣсь Васъ ждёмъ-пождёмъ,
Безъ Васъ совсѣмъ осиротѣли,
И скука поселилась въ домъ,
И карты даже надоѣли! . . .
Что ни вздадутъ — всё пассъ, да пассъ!
Какъ ни раскинешь — только пики!
Тоска и грусть нашла на насъ —
Взгляните-ка на наши лики! . . .
Въ виду сегодня что-то есть
(Подумаль я) у благовѣрной! —
Хлопочеть, некуда присѣсть —
Вездѣ порядокъ безпримѣрный! . . .
„Что, душечка, хлопочешь такъ?“
Осмѣлился я молвить слово,
(Вѣдь Вамъ извѣстно — я простакъ,
Такъ умысла тутъ не было дурнаго) . . .
„Торжественный сегодня, сударь, день!“
Жена, прогнѣвавшись, сказала,
„Откиньте-ка Вы вашу лѣнь,
„Тащите столъ зелёный въ зало, —
„Захарьевна пріѣхать обѣщала! . . . “
Ну, вотъ и я засуэтился,
Припомнилъ старые грѣхи
И Вамъ немедленно стихи
Писать со рвеніемъ пустился!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.		Стр.
1. Весна	3	21. Невѣста, украшающая	
(Въ альбомѣ дочери А.)		портретъ своего жениха	26
2. Въ Неаполѣ, при закатѣ		22. Приди! (Романсъ) . . .	27
солнца	4	23. Посылка на новоселье .	28
3. Утромъ въ Парижѣ . .	5	(В. В. Со—ву.)	
4. Снова въ Парижѣ . .	6	24. Приглашеніе на обѣдъ .	29
5. Кладбище Père la Chaise	7	(В. В. Со—ву.)	
6. На могилѣ Джуліи Гризи	8	25. Приглашеніе на вечеръ .	30
7. Горному Институту, въ		(В. В. Со—ву.)	
день столѣтняго его юби-		26. Родной пѣвицѣ	31
лея, 21-го Октября 1873 г.	10	(Н. Г. Ха—вой.)	
8. Гость	11	27. Мастерницѣ пѣть романсы	32
9. Гость	13	(Н. Г. Ха—вой.)	
10. Знакомая дача	15	28. На свѣтѣ всё проходитъ	33
11. Юношѣ	16	29. Страстная любовь . . .	34
12. Въ альбомѣ дочери Гл—рѣ	17	30. Чередъ	—
13. Малолѣтней воспитанницѣ	18	31. Возвращеніе въ Швей-	
14. Дитя, оплакивающая кон-		царю	—
чину своей воспитатель-		32. Приглашенный листокъ	
ницы	19	альбома холостяка . . .	35
15. Извиненіе	20	33. Къ моему альбому . . .	37
(О. Н. фонъ Эн—дъ.)		34. Приписка къ карриатурѣ	
16. Въ альбомѣ Л. Г. Вы—ской	22	альбома моихъ учениковъ	—
17. Зачѣмъ?	23	35. Въ альбомѣ С. А. Б—къ	38
18. Капризные глаза . . .	24	36. При посылкѣ стихотво-	
19. Въ альбомѣ молодой тан-		ренія	—
цовщицѣ	25	(С. С. Ан—вой.)	
(А. Д. Ко—вой, внѣ П—вой.)		37. Отвѣтъ на письмо . . .	39
20. Невыразимая любовь .	26	(С. С. Ан—вой.)	

II.

	Стр.		Стр.
38. Волшебная пѣснь . . .	40	58. Въ альбомъ М. Н. З—ть	62
(С. С. Ан—вой.)		59. Старыя грезы . . .	63
39. При посылкѣ, на про-		60. Къ портрету М. Н. З—ть	—
смотръ, стиховъ . . .	41	61. Признаніе . . .	64
(С. С. Ан—вой.)		62. Утро . . .	—
40. Страдающей зубною болью	42	63. Влеченіе . . .	65
(С. С. Ан—вой.)		64. Прошлые дни . . .	—
41. Приѣздъ . . .	43	65. Гдѣ она? . . .	66
(С. С. Ан—вой.)		66. Часъ разсудка . . .	—
42. На прощаньи . . .	44	67. Гатчина . . .	67
(С. С. Ан—вой.)		68. Тоска . . .	—
43. Предъ отъѣздомъ . . .	45	69. Цвѣтокъ . . .	68
(С. С. Ан—вой.)		(М. Н. З—ть.)	
44. При новой встрѣчѣ . . .	46	70. Неразлучный спутникъ .	69
(С. С. Ан—вой.)		71. Неполное счастье . . .	70
45. Дуэтъ . . .	47	72. Сѣтованіе . . .	—
(С. С. Ан—вой.)		73. Въ альбомъ . . .	71
46. На другой день послѣ		74. Завѣтный кошелекъ . .	72
домашняго концерта . .	48	75. Сомнѣніе . . .	73
(С. С. Ан—вой.)		76. Наирасное утѣшеніе . .	74
47. Замокъ Ш—нъ вечеромъ	49	77. Ревность . . .	—
48. Красавицѣ въ грусти .	50	78. Имянинницѣ . . .	75
49. Спасеніе отъ голода жи-		79. Смущенный докторъ . .	—
телей замка Ш—на . .	51	80. Мыслети . . .	76
50. Желаніе . . .	54	81. Запись въ книгу автогра-	
(Княгинѣ Н. С. Бо—не.)		фовъ учёныхъ Неаполи-	
51. Незабвенная семья . .	—	танскаго университета . .	—
52. Разлука съ любимымъ		82. Соденъ . . .	77
мѣстомъ . . .	55	83. Жертва . . .	—
53. При отъѣздѣ изъ замка		84. Дворъ Театральнаго Учи-	
Ш—на . . .	56	лища . . .	78
54. При разсмотрѣніи кри-		85. Безсонница . . .	82
сталла Фенакита, заклю-		86. Встрѣча . . .	86
чающаго въ своей внут-		(Н. К. и М. Н. З—ть.)	
ренности кристаллы Алек-		87. Безсонная ночь . . .	—
сандрита . . .	—	88. Домикъ-игрушка . . .	87
55. Отъѣздъ въ Петергофъ .	57	89. Тріо . . .	88
56. Въ альбомъ юной артисткѣ	59	90. Приглашеніе . . .	89
57. Разсудокъ и сердце . .	62		

III.

	Стр.
91. При посылкѣ описанія достопримѣчательностей Казанскаго собора . . .	90
(П. В. Жу—скому.)	
92. Поздравленіе	93
93. Лорнетъ	95
94. Приписка къ нарисован- ной женской головкѣ. . .	—
95. Лечение минеральными водами	96
96. Причина сѣдины	—
97. Неточность въ названіяхъ . . .	97
98. Не до стиховъ	—
(Н. А. Пе—цу.)	
99. Женихъ, засѣдающій въ Совѣтѣ	98
100. Не до поэзіи	—
101. Утѣшеніе пѣвицъ	99
(И. Л. Ла—съ.)	
102. Экспромтъ	—
103. Экспромтъ	—
104. Въ минуту отчаянія . . .	100
105. Алчному къ деньгамъ . . .	—
106. Акrostихъ	101
107. Акrostихъ	—
108. Акrostихъ	102
109. Акrostихъ	—
110. Сосѣду	103
(В. И. Ме—ру.)	
111. Письмо	104
(К. Н. Ба—вой.)	
112. Въ альбомѣ Княгинѣ Ба—нѣ	105
113. Вліяніе души	106
114. Сужденіе о портретѣ . . .	—
115. Въ альбомѣ артисткѣ- кокеткѣ	107

	Стр.
116. Отвѣтъ пріятелю, на при- сланное поздравленіе съ чиномъ	109
(В. В. Со—ву.)	
117. Прилежный работникъ . . .	110
118. Отрывокъ изъ письма къ А. Н. Та—ну, по окончаніи столѣтняго юбилея Гор- наго Института	111
119. Въ глуши зимою	112
120. Отвѣтъ на тёплое письмо . .	113
(А. Г. Я—би.)	
121. Зима	114
122. Тётенька	115
123. Непогода	116
124. Порывъ	—
125. Начало лекцій послѣ ка- никуль.	117
126. При отъѣздѣ изъ Кёнигс- берга	118
127. Возвращеніе на родину. . .	—
128. На пути къ родинѣ	119
129. И. И. Св—ву, въ день пятидесятилѣтняго юби- лея его службы, $\frac{1}{2}$ Марта 1871 года	120
130. Письмо къ женѣ	122
131. И далеко и близко	124
132. Бордо-Лафитъ	125
133. Въ альбомѣ страстной любительницѣ карточной игры	126
(Е. З. Бр—нѣ.)	
134. Приглашеніе на партію въ карты	127
(Е. З. Бр—нѣ.)	
135. Ея Императорскому Вы- сочеству Герцогинѣ Маріи	

IV.

	Стр.		Стр.
Максимиліановиъ Баден- скоѣ	129	141. Утѣшеніе Религіи	137
136. Памяти Василя Андре- евича Каратыгина	131	142. Коммунизмъ	—
(Посвящено А. М. Каратыгиной.)		143. Невинная игра	138
137. Воспоминаніе о В. А. Ка- ратыгинѣ	132	144. Вездѣ грустно	—
138. Въ альбомѣ А. М. Ка — ной	134	145. Телефонъ	139
139. При посылкѣ стихотво- ренія	135	146. При посылкѣ нѣмецкаго стихотворенія любитель- ницѣ картъ	141
(Е. З. Бр — нѣ.)		(Е. З. Бр — нѣ.)	
140. Падучая звѣзда	136	147. Соскучились	143
(Е. З. Бр — нѣ.)		(Е. З. Бр — нѣ.)	

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

		<i>Напечатано :</i>		<i>Читай :</i>
Стр.	5 строка	10	сверху . . . встрепѣнулся,	. . . встрепенулся,
„ 29	„	8	снизу . . . среды	. . . Среды.
„ 47	„	8	сверху . . . по всюду	. . . повсюду
„ 76	„	6	снизу . . . автографофъ	. . . автографовъ
„ 89	„	1	„ . . . вынуску	. . . выноску
„ 91	„	3	„ . . . Парнасѣ	. . . Парнассѣ
„ 98	„	8	„ . . . Туда, Туда —	. . . Туда, туда! —
„ 107	„	12	сверху . . . былъ радъ	. . . былъ-бы радъ
„ 109	„	8	„ . . . Парнасъ	. . . Парнассъ
„ 128	„	5	снизу . . . стассуете-ль	. . . спассуете-ль
„ 134	„	6	сверху . . . мыслию	. . . мыслью
„ 141	„	10	„ . . . вдругъ	. . . вдругъ
„ 144	„	14	„ . . . Подумаль	. . . Подумаль

Kokšarov, Nikolaj I.,

Melkija stichotvorenija Nikolaja Kokšarova

Bd.: 1

S.-Peterburg 1878

P.o.rel. 3178-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11377653-0